

Игорь Бондарев

Планета Н. Война

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга вторая

18+

Игорь Бондарев

Планета N книга вторая война

«Автор»

2026

Бондарев И.

Планета N книга вторая война / И. Бондарев — «Автор», 2026

Продолжение первой книги цикла Планета N. Книга вторая Война. Прошло семь лет. Идёт война между двумя расами на Планете N. Наших недавних героев это событие тоже не обошло стороной. Хорст Хаммер и Игорь Белов прибыли на этот раз на Планету с другой миссией: они воюют за место под солнцем вместе с теми, кто недавно обживал их родную, как им раньше казалось, планету.

© Бондарев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава четвёртая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Глава восьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Бондарев

Планета N книга вторая война

Глава первая

— Эй, Хаммер!

Хорст вздрогнул от неожиданности. В голове его сработала какая-то пружина, отвечающая или, скорее, реагирующая на негативные факторы, которые имели место в прошлом, причем, не очень далёком. Кроме того, это «устройство» явно реагировало и на возможные в ближайшем будущем неприятности. Если не сказать более. Оно уже было настроено и запрограммировано на них.

Возможно, в голове каждого индивидуума, хранилась некая информация, всплывающая наружу из-за какого-либо фактора, а то и просто запаха, или как в данном случае — звука. В мозгу каждого имеется некий кладёзь неприятных воспоминаний, начиная с того, как в детстве у вас кто-то отнимал любимую игрушку, или как вы, уже, будучи не совсем грудным младенцем, описались в постель, или, чего доброго, штаны, и этот факт вам до сих пор неприятен.

В данной же ситуации речь шла не о детских воспоминаниях, или даже давно забытых (или не совсем?) комплексах, нет. Здесь было что-то очень неприятное, болезненное, даже где-то трагичное. То, что не хочется ни вспоминать, ни воспринимать, ни в каком виде.

Хорст обернулся, проклиная ту ситуацию, которую не хотелось даже представить, прокатывая в голове то, о чём не стоило даже вспоминать, не то, что всерьёз задумываться или анализировать, снова и снова вороша в памяти события, которые хотелось забыть навсегда.

Предчувствия его не обманули, а этот голос он не мог перепутать ни с каким другим, если даже ему дали бы прослушать сотни, да какие там сотни – тысячи образцов голоса!

Барабанная дробь! Игорь Белов собственной персоной! Здесь уже не пройти мимо и не сделать вид, что не узнал или забыл, нет. Во-первых, дело принципа, во-вторых, несмотря на всю неприятность момента, любопытство всё-таки берёт верх.

— Здравствуй, Хаммер! Не забыл меня? Семь лет прошло, мы изменились...

Гарик действительно сильно изменился. Лицо серьёзное, даже какое-то аскетично-отрепённое. Седина всерьёз потрудились над его головой. Не стало его «фирменных» усов, что выглядело как-то непривычно. Тем не менее, осанка не только не стала хуже из-за возможных испытаний, которым он наверняка подвергся, находясь на излечении в психиатрической больнице — нет, наоборот, плечи расправлены, небольшая, свойственная ему в прошлом сутулость исчезла. Складывалось впечатление, что он все эти годы терпеливо, даже кропотливо работал над собой, не жалея своего тела, времени, и сил. Что касается времени, то у него его было хоть отбавляй, конечно, а в остальном... в остальном едва ли он принадлежал себе. Тем более, странно видеть его таким. Обычно учреждения такого типа ломают человека, а здесь...

Хорст ещё немного помедлил, словно надеясь, что ситуация исправится сама собой и Белов испарится и не будет появляться в его жизни, по меньшей мере ещё лет семь, а то и вовсе исчезнет, как дурной сон или фурункул на теле. Этого по вполне понятной причине не произошло.

Тяжело вздохнув, Хорст нехотя ответил на приветствие:

— Здравствуй, Гарик. Ты вполне узнаваем.

— Хотя тебе не хочется меня узнавать, и, если бы я не окликнул тебя, ты бы с огромным удовольствием и радостью прошёл мимо, ведь так?

— Думаю, да.

Хорст не хотел кривить душой, да и не видел в этом необходимости.

Гарик внезапно расплылся в улыбке, и тут же его лицо стало вновь серьёзным, словно изваяние.

— Спасибо за откровенность, Хаммер. Ты почти не изменился, по крайней мере, внешне. Здоровый образ жизни — ты всегда был таким, в отличие от меня. Мне всегда не хватало твоей твёрдости в этом аспекте...

— Будет тебе, Белов, я тоже не ангел, и иногда пропущу рюмочку. Опять же, пиво...

— Это совсем не то, что я имел в виду. Ты прекрасно понимаешь. Помимо того, что меня пичкали транквилизаторами и прочей дрянью, я ещё лечился от алкоголизма, принудительно притом... Я выгляжу не лучшим образом.

Белов полез в карман за сигаретами. Хаммер вскоре ощутил знакомый запах сигарет Белова.

— Опять твоя патриотическая дрянь! Где ты её здесь-то нашёл? Хотя о чём я... Мы ведь на Байконуре.

— Вот-вот! А в Казахстане, кстати, табак совсем никуда. По крайней мере, мне так кажется.

— Ну, если уж тебе! Мне-то, некурящему, не понять этого. Ладно, не обижайся, а то получается, что мы с тобой встретились исключительно для того, чтобы наговорить друг другу гадостей, честное слово, так можно подумать, глядя на нас со стороны!

— Вот-вот, хорошо, что ты это понимаешь. Кстати, как твои дела? У тебя, наверное, полон дом ребятишек?

Хорст нахмурился так, словно эта тема для него была больной.

— У меня сын шести лет и двухгодовалая дочка. С Хелгой мы расстались. Недавно.

— Вот как? — удивление Белова выглядело вполне искренним. — Как же так? У вас ведь были такие отношения, что можно только позавидовать...

— Вот именно, были. Сейчас, к сожалению, всё по-другому. Ты рад?

— Зря ты так, — осуждающе покачал головой Белов. — Мои чувства давно угасли. Да и не только эти. Здесь, в филиале спецклиники Космического Сообщества. Знаешь, у них здесь такие методы...

Мимо прошла девушка, звонко стуча каблучками по брусчатке. Белов внимательно, вместе с тем, похотливо проводил её взглядом. Потом продолжил:

— Многие сломались. Их психика *пришла в негодность*. Они остались в клинике. С ними не церемонились раньше, а сейчас — тем более.

— Как же так? — возмутился Хаммер. — А как же права человека?

— Не смей меня, Хорст. Ты же взрослый человек... Цель оправдывает средства. Им многое нужно было от меня узнать, хотя я, признаться, почти ничего от них не скрыл. Ну, разве что самое личное...

— Этого нельзя так оставлять!

— Хаммер, неужели тебе так дорога моя судьба?

— Мне дорога справедливость, и ты здесь ни при чём.

Белов был явно тронут репликой пилота.

— Хороший ответ. Искренний, по крайней мере. Знаешь, Хорст, этих эскулапов тоже можно понять. На космические исследования тратят такие средства... Кому я объясняю! Ты это знаешь не хуже меня... И что им я? Вернее, кто? По сути я угнал пять кораблей, взбаламутив тридцать четыре человека. Я сделал слишком большую брешь в мировом бюджете, кроме того, затормозил несколько исследовательских программ на очень продолжительное время. Я уже не говорю о поджоге космических кораблей. В воздух улетели миллиарды средств. Конечно, что-то пошло на запчасти, а твой «Водолей» почти не пострадал, даже улетел на Землю, но всё же это никак не оправдывает моей вины.

— Но ведь ты был...

— Невменяем? Да им попросту насрать на это. Кто я? Жалкий технарь, каких пруд пруди.

— Не говори глупостей...

— Знаешь, их можно понять. Их интересовало, откуда ветер дует. Я несмотря на то, что хоть идея и принадлежала мне лично, у меня была вполне искренняя поддержка со стороны... Ты знаешь, кого я имел в виду. И всё-таки, как они там, в клинике не старались, никого за собой «паровозом» я не потянул...

— Знаешь, Белов, я вполне понимаю, на что, вернее, на кого ты намекаешь. Только ты из себя жертву не изображай! Ишь ты, агнец выискался! Как бы то ни было, а смутьян — именно ты, и эти злосчастные капли, которыми ты потчевал своих единомышленников — тоже твои!

Белов вдруг замолчал.

— Ты прав, Хорст, как всегда, мать твою ити...

— Не понял?

— Это не переводится... Тебе давно пора вызубрить словарь русской ненормативной лексики, а то не сработаетесь с российскими коллегами...

— До сих пор удавалось...

— Да ладно тебе, шучу я... И пошутить уже нельзя... Выпить охота — сил нет... Семь лет... Ничего, кроме этих проклятых лекарств, которыми меня пичкали. Знаешь, Хорст, тем не менее, я благодарен докторам. Помнишь, как там, у Пушкина:

Не дай мне бог сойти с ума...

— Знаю, знаю:

Нет, легче посох и сума...

— Молодец, Хорст... эх...

— Слушай, Белов, чего ты мучаешься? Насколько мне известно, современные методы кодировки от алкоголя предусматривают возможность...

— ... выпить три кружки пива, или спиртовой эквивалент. Знаю. Я, может быть, удовольствия растягиваю.

— Тогда идем в ближайший бар? Куда пойдём?

— Хорст, не валяй дурака, откуда мне знать? Я только сегодня вышел из одного развесёлого заведения...

— Ах, да, извини... Сейчас узнаем. Девушки! Подскажите, пожалуйста, где мы с моим другом можем опрокинуть по рюмочке, или по кружечке?

Две невысокие, раскосые девушки, почти хором спросили:

— А дамы у вас есть, или вы предпочитаете сугубо мужскую компанию? Если нет, то мы готовы разделить ваше холостяцкое одиночество...

— У нас что, на лицах написано? Ну, я-то, ладно, можно сказать, из тюрьмы, а ты? Кстати, ты давно развёлся?

— Официально ещё нет, а так... ну, пару месяцев, наверное.

— Вот ведь бабё! Жоп... нутром чувствуют, что и где плохо лежит... Впрочем, меня это не касается, если бы они знали моё тёмное прошлое, особенно последние семь лет, то я сомневалась, что... захотели бы разделить со мной компанию...

Хаммер сделал специально для Белова предупредительный жест, помолчи, мол.

— Помолчи. Ведите нас, экзотические красавицы!

«Красавицы» непонимающе переглянулись и почти одновременно прыснули от смеха.

— Этих двух так мало кто называл, Хаммер. По причине очень заурядной и неброской внешности. Впрочем, их это нисколько не смущает. Ты убил сразу двух зайцев: во-первых, им твоя лесть понравилась, поскольку нет баб, которые не считают себя круче всех прочих; во-вторых, они нас приняли за типичных приезжих лохов, которых можно «доить» до утра. Ты хоть что-нибудь понял?

— Почти ничего, — признался Хаммер.

Белов горестно развёл руками:

— Эх, горе ты моё! Это, конечно, не проститутки, но халявщицы ещё те! Ладно, держись ко мне поближе, и не напейся, смотри! Девочки! Я — Эдуард, а он — Пётр! Как вас зовут, позвольте узнать?

— Я — Гульнара, — сказала одна из них, а моя подруга—Татьяна. Так мы уже идём?

Белов взял под руку ту, что назвалась Гульнарой, Хаммеру же, ничего не оставалось, как идти рядом с той, которую представили как Татьяну.

В баре грохотала музыка. Хаммер и Белов устроились на высоких табуретах, их новые «подруги» — тоже.

— Что будете пить? — не особо приветливо спросил черноволосый бармен с не очень европейским лицом.

— Я — коньяк, — ответил Хорст.

— Я — водку, — не задумываясь, ответил Гарик.

— А мы? — обиженно спросили их спутницы.

— А чего вы хотите? — осведомился Белов.

— Шампанского, — капризно надула губы Гульнара.

— Дорогие же у вас услуги, о прекрасные незнакомки, — пробормотал Белов. — Но что ж поделаешь, когда семь лет только и думал, чтобы ... Интересно, сколько этим двум малогабаритным насосам понадобится шампанского? — вполголоса задал он вопрос Хорсту.

— Подозреваю, что немало, — высказал своё мнение тот.

— Может, шуганём их, а то мне выходного пособия дали всего-то тринадцать тысяч рублей.

— Мне это ни о чём не говорит, — пожал плечами Хорст.

Гарик горестно вздохнул.

— Зато я чётко представляю свои перспективы. Месяца полтора можно проскрипеть, если не считать того, что мне нужно ещё домой ехать. Только вот не знаю, стоит ли... Вообще-то я бывший псих, а не преступник и квартира осталась за мной. Но ты знаешь, ведь все мои друзья и знакомые замучат расспросами: как, что, почему... Лучше продать жильё и купить где-нибудь в другом месте.

— А там не будут расспрашивать? Ты ведь сейчас очень даже популярен и вполне узнаваем. Пресса, телевидение. Извини...

Белов отмахнулся.

— Да чего уж там!.. Чёрт, ты прав, как всегда. Что же мне делать? Куда идти работать? Ведь диагноз с меня не сняли окончательно, да и моё прошлое... Куда мне идти? В управдомы, или в ассенизаторы? Возьмут ли ещё... А жить как-то надо...

— Гарик, (похоже, сегодня Хорст впервые назвал Белова Гариком), если тебя беспокоят расходы на спаивание этих двух молодых дарований, то ты можешь не волноваться, поскольку я это беру на себя.

— Беспокоит. Спасибо. А что касается спаивания, то тут ты погорячился — они перепьют даже верблюда, который шастал по пустыне месяц, не получая никакой жидкости... А ел исключительно верблюжьей колючкой. И знаешь, это всё не главное. Я просто сдохну без моей работы... сам виноват...

— Тут я тебе ничем не смогу помочь. С этим можно только смириться.

Белов внимательно посмотрел Хаммера, словно видел его впервые.

— Сам-то хоть понял, что сказал? Как?

Хорст сделал примиряющий жест.

— Не горячись. Честно говоря, я всерьёз подумываю о том, чтобы уйти на пенсию, я ведь имею на это право. Займусь чем-нибудь другим, я ещё молод и вполне здоров. Можно пойти на какие-нибудь курсы и сменить профессию.

— А зачем тебе её менять? — хохотнул Белов. — Иди в животноводы, опыт у тебя есть... Ну-ну-ну! Прости подлеца, сорвалось... - Гарик понял, что ляпнул лишнее. - Ну какое ты себе найдёшь дело? Ты ведь пилот Международного класса, а ни какой-нибудь писюн, который только что отучился на картингиста, и ещё не успел въехать с разгону ни в один столб. У тебя огромный опыт. Я до сих пор удивляюсь, как ты тогда не разбился...

— Жалеешь?

Белов как-то дико уставился на собеседника.

— Я бы не сидел рядом с тобой и не пил водку...

— Кто знает, ты ведь человек коварный и, наверное, мстительный.

— Кто старое помянет, тому глаз вон...

— Я не знаю, наверное, везение... Корабль был практически неуправляем.

— Одного везения здесь мало. Опыт, воля, тяга к жизни вот далеко не полный перечень всех качеств, которыми...

Хаммер криво усмехнулся.

— Да брось ты, не на симпозиуме!

— У нас говорят: «Не на митинге!»

— Но ты ведь меня прекрасно понял, Гарик! К чему эти уточнения?

— Конечно, хоть и дурак. Да-да, у меня ведь и справка есть!

Хорст в ответ болезненно поморщился и заказал ещё выпивки.

— Кончай этот балаган! Мы для чего сюда пришли? Чтобы обсуждать наши...э-э-э... диагнозы?

— Мои!

— Ты мне надоел своими уточнениями, Белов. Я лично, пришёл сюда выпить и, по возможности, — он глянул на девушек, с упоением уничтожавших шампанское, — отдохнуть. Хотя, по-видимому, нашим прекрасным дамам сейчас не до любви — у них жажда другого рода...

Белов заговорщицки подмигнул Хорсту.

— Ты неправ, именно сейчас они о нас и вспомнят...

— Мальчики! — Гульнара подняла над головой пустую бутылку.

— Как-то странно это всё выглядит, — задумчиво произнёс Хаммер. — Вроде бы бар, так нет, сами себе наливают...

Белов обречённо махнул рукой пилоту, давая понять, что тот здесь никогда и ничего не поймёт до конца, да и стараться по этому поводу особо не стоит.

— Это у вас там, на Западе, странно, а у нас в порядке вещей...

Хаммер сделал знак бармену:

— Ещё бутылку шампанского для них.

Бармен, равнодушно кивнув, открыл новую бутылку, аккуратно, профессионально, без хлопков, не разлив ни капли. Спутницы астронавтов ознаменовали это событие радостными воплями и тостами за их здоровье.

Хорст сокрушённо покачал головой.

— Не так уж много человеку надо для счастья... Мне бы их проблемы...

— Ты что, завидуешь им? Мы ведь не знаем их проблем... - Гарик бросил взгляд в их сторону. — Может, они горе-печаль таким образом заливают...

Не завидую я им по другому поводу...

— Это, по какому же?

Белов долго отмалчивался, после чего со смехом выкрикнул:

— У них есть месячные, а у меня — нет! Гы-гы-гы!

Теперь пришла очередь смеяться Хаммеру:

— Дурак ты, Белов... Дурак...

— Знаю, и от этого никуда ни деться! — Гарик снова процитировал:

... таков мой организм,

извольте мне простить

ненужный прозаизм.

— Хватит паясничать, Белов.

— Отвали, Хаммер. Я очень долго не мог себе этого позволить, так что будь милосерден ко мне...

— Действительно, Гарик. Я, наверное, неправ.

Белов многозначительно поднял палец правой руки в эдакой назидательской форме.

— Именно. Слушай, Хаммер, давай оставим ненадолго наших дам. Мне нужно отлить, да и тебе, я думаю, не помешает... — С этими словами Белов едва заметно подмигнул Хорсту.
— Девочки, мы вас оставим на минуту -другую.

Те, отмахнувшись, ведя между собой торопливую, насыщенную междометиями, беседу. Их, похоже, кроме шампанского, ничего не интересовало. Ну и новостей самого «горячего» характера.

В туалете, Белов вцепился в плечо Хаммеру и жарко, почти без пауз, словно давно заученный текст, зашептал:

— Хаммер, слушай сюда. За нами следят. Обратил внимание на двух типОв, которые сидели в дальнем углу? Они с нас глаз не сводят. Не нравится мне всё это, ой не нравится! А эти две кобылы, ну те, что с нами? Они тоже, не того...

— Ты притащил меня сюда, чтобы сообщить это? Ты мог потихоньку сказать мне за стойкой...

— Нельзя, у них наверняка и аппаратура есть соответствующая...

— Тебе не показалось, Белов? С какой это радости им за нами следить?

Белов, взяв Хорста за грудки, прошипел:

— Послушай, Хаммер, мой диагноз — шизофрения, а не паранойя, ты понял?! Я не слепой, как некоторые! А просто чокнутый! Они хотят меня грохнуть, и тебя заодно, как свидетеля!

— Зачем? — пытаюсь высвободиться из цепких рук Белова, спросил Хаммер. — Нельзя было тебе умереть в клинике?

Гарик посмотрел на пилота с некоторым сожалением и сочувствием.

— Ты, видать, совсем дурак, Хаммер. — Кто же пойдёт на это? Кому нужен такой дурацкий риск? Проще убрать за воротами клиники. Я могу погибнуть от несчастного случая, могу в пьяной драке, могу стать жертвой ограбления, хотя брать-то у меня нечего... Этот грабёж может вполне закончиться летальным исходом... Или попасть под грузовик. Угнанный. И наши не пляшут.

— Что ты предлагаешь?

— Для начала, держать ухо востро и не напиваться. В баре они не станут делать это... Эти две биксы послужат нам некоторой защитой — ведь никому не нужны лишние свидетели, их ведь тоже убирать придётся.

— Белов, а вдруг они из той же конторы? Ну, эти...

— Эти две профуры? Начинаешь соображать, Хорстушка... Так, пойдём-ка обратно, а то лишние подозрения возникнут...

Они вернулись к барной стойке. Девушки, похоже, их прихода не заметили, или же сделали вид, что не заметили. Мужчины заняли свои места.

— Ну что, Хорст, по рюмашке?

— Не откажусь, Гарик. Бармен! Повторить!

Бармен недовольно покосился в сторону Хаммера и Белова, выполнил заказ.

— За психов, Хорст! За их возвращение в массы! Прозет, Хаммер!

Они выпили. Как ни странно, но возгласы Белова не были восприняты посетителями, как что-то неординарное, из ряда вон выходящее. Скорее всего, завсегдатаи здешнего заведения видывали и не такое. Словно в подтверждение тому, раздался чей-то громкий свист. Свист был настолько резким, режущим ухо, что почти все (относительно трезвые), повернулись в ту сторону. Оказывается, в глубине бара, находилась специальная площадка, с шестом для стриптиза. Его принято называть пилоном.

Внезапно, грохочущая музыка смолкла, а на смену ей полилась вечно молодая композиция группы «Лед Зеппелин», под названием «Лестница на небеса». Еле слышно выводил Роберт Плант в начале композиции; в дальнейшем же, рос музыкальный темп, вместе с тем, громче, с чувством, пел гениальный вокалист, а не менее гениальный гитарист Джимми Пейдж извлекал из своей гитары чарующие звуки. Не отставал и легендарный барабанщик Джон Бонэм.

Возле шеста, группка каких-то крепко подгулявших девиц, подтанцовывая, начала медленно сбрасывать с себя одежду. Их действия были встречены одобрительным гулом большинства посетителей. Мужской половины, разумеется.

— Давай, девахи, не робей! — крикнул Белов.

Его призыв был подхвачен всеми, или почти всеми. Впрочем, «девахи» явно не робели и без одобрения публики.

Тут произошла некоторая заминка, не предусмотренная сценарием (читай: экспромтом). Шест-то был один, а желающих им воспользоваться — пятеро. Одна из девиц, в полуобнажённом виде, уже было взобралась на шест, пытаясь исполнить что-то особо сексуальное и обволажительно-соблазнительное для мужчин всех возрастов и народов, но оказалось частичное или, скорее, полное отсутствие профессионализма не только в плане стриптиза. Как тут же выяснилось, что одной только голой задницы для этого маловато — необходима ещё и специальная подготовка, коротко и красноречиво именуемая спортом. Для того чтобы исполнить сей этюд с шиком, нужно, как минимум, иметь первый разряд по художественной гимнастике.

Юная дива, вероятно, уроки физического воспитания, которые ей пытались привить в школе, упорно игнорировала, используя время, выделенное школьным расписанием, для вещей более интересных, как поглощение пива и выкуривания дешёвых сигарет. Результат не заставил себя ждать долго: после неудачной попытки забраться повыше на пилон, девушка шлёпнулась на пол, и сильно ушиблась при этом. Тем не менее, её урок не пошёл впредь остальным четырём кандидаткам в стриптизёрши. Не успела первая «звезда» пилон поднявшись с пола, потирая ушибленный зад и корчась от боли, отойти в сторону, четыре претендентки буквально бросились к шесту, толкая друг друга. Похоже, всё внимание присутствующих, невзирая на возраст, пол, сексуальную ориентацию и личные вкусы, было обращено в сторону нехитрого снаряда и потенциальных «стриптизёрш».

— Линяем, Хаммер! Самое время.

Глава вторая

Хорст не понял значения слова «линяем», но, ориентируясь на интонацию, сообразил, что самое время уносить ноги, даже если и предположения Белова были верны хотя бы наполовину. Как нормальный, законопослушный европеец, прежде чем покинуть заведение, бросил на стойку пятьдесят евро. Белов сокрушённо повертел головой, с досадой, и одновременно с удивлением. Они выбежали на улицу.

— Такси! — крикнул Хорст, желая поймать первую встречную машину.

— За мной, Хаммер! Я потом всё объясню...

Они долго бежали, петляя дворами, распугивая прохожих, котов, оккупировавших свои территории возле помоек, голубей и воробьёв.

Гарик (сказались долгие семь лет без тренировок), тяжело дыша, выдавил:

— А ты молодцом, Хорст. Вот что значит, здоровый образ жизни, хорошее питание и тренировки! Я-то чуть не сдох на дистанции... Значит так, ещё пару дворов пересекаем, а уж там ловим такси... дурацкий риск нам не нужен. Vorwärts! (1)

Минуты через три, тяжело дыша, они влезли в такси. Белов, при этом, ударился головой, садясь в машину, вызвав злорадный смехок таксиста.

— Деньги есть? — почти учтиво спросил труженик баранки.

Хаммер, в подтверждение того, раскрыл бумажник, показав таксисту содержимое. Вид купюр приятно удивил водителя, который своё расположение к клиентам выразил таким мощным и виртуозным рывком с места, что даже Хаммер, пилот Международного класса, а также автогонщик-любитель по совместительству, просто ахнул от удивления.

— Куда едем, уважаемые господа? — поинтересовался он, не оборачиваясь.

— Пока прямо, а там видно будет, — толком не отдышавшись, ответил Белов, оглядываясь назад, желая убедиться в том, что преследователи — если таковые, конечно, были — либо безнадёжно отстали, либо только-только оставили их в покое.

— За ваши деньги — любой ваш каприз. Прямо, так прямо.

Машина, быстро набирала скорость. Электронный спидометр показывал сто двадцать.

— Это с такой скоростью у вас можно ездить по городу? — шепнул Хаммер Белову.

— Нельзя, но если очень хочется, то можно, — так же шёпотом ответил ему Гарик. — И вообще, не учи учёного. Ты видишь, какой водила нам попался? Его учить — только портить. Тот ещё ас...

Таксист действительно виртуозно водил машину. Ну и, конечно, знание города...

— Собственно, куда мы едем, господа? Я, конечно, не хочу вмешиваться в процесс, но спрашиваю из чисто детского любопытства...

— А действительно, куда? — не то себя, не то Хаммера спросил Белов.

— Ты у меня спрашиваешь? — удивился Хорст. — Я почти не знаю города.

— Зато я знаю. Любовался кусочком одной улицы через окно, в течение семи лет. Вид был на помойку... Шеф! — обратился он к таксисту. — Где тут вас тут гостиница? Не очень дорогая, а ещё лучше, совсем дешёвая?

Таксист, обернувшись, ответил:

— Есть гостиница «Байконур». Минут пять езды отсюда.

— Давай, дуй туда, — коротко распорядился Белов.

— Да, сэр, — лаконично ответил водитель.

Через пять минут, они действительно подъехали к невзрачному, серому, трёхэтажному зданию.

— Сколько? — спросил Хаммер.

— Двадцать долларов.

Хаммер дал ему двадцать пять евро.

— Мерси, месье. Весьма вами понеже... — Ослабился водитель.

— Ты собираешься здесь остановиться? — спросил, озираясь, Хаммер, когда такси уехало.

— Нет.

— Тогда зачем мы сюда приехали?

— А затем, друг мой, чтобы сбить со следа наших преследователей.

— Ты полагаешь, что нас преследуют? — обеспокоено спросил Хорст.

— А ты думаешь, что нет? Ты меня просто удивляешь. Не знаешь, как нужно избавляться от «хвоста»? Не читал и не смотрел детективов?

Метрах в пятидесяти от них очень медленно проехала машина. Сидящие ней явно никуда не спешили. Хорст и Гарик притаились за огромным деревом.

Наступившие сумерки не позволили надёжно замаскироваться потенциальным преследователям. Мощные фары освещали их путь.

Машина остановилась совсем рядом. Двигатель заглушили. Открылись передние двери. Водитель и пассажир вышли наружу. Вспыхнули огоньки зажигалок. Оба закурили.

— Где же они? — спросил один другого, выпуская густую струю табачного дыма.

— А хер их знает... — ответил другой. — Рация молчит?

Вместо ответа он услышал:

— Второй — первому... Второй — первому...

— На приёме первый.

— Как обстановка?

— Только что остановили таксиста, который вёз их. После непродолжительной и доверительной беседы, он поведал нам, что объекты собрались устроиться на ночь в гостинице «Байконур».

— Всё так просто? — Вот вы и выясните, тем более что насколько я понимаю, это рядом с вами.

— Ясно, первый. До связи.

— Удачной охоты, второй.

— Угу...

Двое преследователей, ещё долго курили, обсуждая свои дела.

— Они, наверное, полагают, что мы хотим ликвидировать их.

— Может быть.

— Они сильно заблуждаются. Те, кто хочет избавиться от Белова, ожидают их на вокзале и в аэропорту. Всё о-о-очень серьёзно.

— Второго они тоже собрались мочить?

— Ну, видимо, они ничего не знают об их встрече. А вообще... На кой им свидетель. Между прочим, предположительно, правда, второй никто иной, как Хорст Хаммер. Усёк?

— Я прапорщиком не служил, по два раза мне повторять не нужно...

— Вот-вот. Жаль парня чисто по-человечески, не говоря о том, что укокошат одного из лучших пилотов-астронавтов. У меня, между прочим, его автограф есть...

— Если бы они знали, зачем мы их ищем, то они бы давно пришли к нам. Я им не завидую. Белова упрятали на семь лет, а теперь, не успел он толком насладиться долгожданной свободой... — Тот, кто говорил, тяжело и сочувственно вздохнул.

— Да, — подхватил другой. — Тут завидовать нечему. — Если они решили поселиться в гостинице, то им хана. Только я не думаю, что ребята спешат накормить местных гостиничных клопов. Скорее всего, они хотят, заматаив следы, покинуть незаметно город. Это можно сделать только двумя путями... Аэропорт и железная дорога. Их там, разумеется, накроют.

Его напарник озабоченным тоном спросил:

— Что будем делать? Как мы реализуем наши планы? Без этих ребят будет трудно. Как быть? Ведь на этой чёртовой войне они бы нам оченьгодились, как профессионалы. Ведь из тех, кто с ними летал, почти никто не хочет лезть к чёрту на рога. А тут и пилот, и технарь. Команду-то хочешь, не хочешь, набирать надо... На Планете твориться такое... Не передать. Ладно бы, одни только гуманоиды взбесились, так ведь и наш брат, землянин, норовит...

— Так что вы говорите там на нашей Планете происходит? — спросил Белов, выйдя из укрытия. Хорст тоже вышел, и встал рядом с ним.

Те, что, разговаривая между собой, покуривая, вздрогнули и почти одновременно схватились за пистолеты. Профессионалы, ничего не скажешь.

— Может быть, обсудим все, не торопясь и, всё взвесим? — спросил Белов. — Если наша Планета в опасности, я, лично, готов, чтобы... А что, собственно, от нас надо?

Опешившие агенты, переглянувшись сообща сформулировали их общие цели.

— От вас нужно многое, ребята, и лучше будет, если вы сядете с нами в машину, и мы поедем для дальнейших обсуждений в более удобное и безопасное для вас место.

Белов, хмыкнув, спросил у Хорста:

— Невелик у нас выбор, правда, Хаммер? Хотя, возможно, я что-то пытаюсь решить, не спросив тебя?

— У меня, Гарик, тоже особого выбора нет. Не до жиру, как вы любите говорить.

— Вот-вот. Ну что, парни, поехали?

Они сели в машину. Ровно и сыто заработал заведённый двигатель. Водитель, низкорослый и коренастый крепыш уверенно повёл машину по вечернему городу. Второй, тот, что сидел на переднем пассажирском месте, был высокого роста, худощав, широк в кости. Он обернулся к Хаммеру и Белову, сидевшим сзади и сказал:

— Давайте знакомиться: меня зовут Олег. Моего товарища — Антон. Я не буду называть организацию, которую представляю, свою должность, звание. Антон тоже не будет.

Гарик самодовольно и понимающе произнёс:

— Ну, ясен хрен, не будете. Да и не нужно. Нам достаточно того, что вы не бандюги, не продажные гады из коррумпированных организаций, каких много. Это так, надеюсь?

— Именно, — подтвердил Олег. — Вы парни умные, учёные, технари и практики — всё в одном лице, как говориться, а это мне лично импонирует.

— Вы, Олег, посадили нас в свою машину для того, чтобы наговорить нам кучу комплиментов, или ещё какая задача имеется? — едко заметил Гарик.

— Имеется, Игорь, бесспорно, имеется. Вы не барышни кисейные, чтобы вам сладкие речи говорить. Задача у нас другая. В нашей фирме, как вы уже поняли, клопов не дают.

— Ну, ясное дело, — хмыкнул Белов. — Фирма веников не вяжет...

— У вас, Игорь свои навыки и знания, что нам просто...

Белов перебил того, кто назвался Олегом:

— Слушай, хватит мне «выкать». Не люблю. Нормальный разговор требует нормального обращения. Тот, с кем я говорю «на ты», внушает мне доверие, и наоборот. Это понятно? И вообще, я ведь нервный, семь лет общения с одной милой организацией сделали меня психом...

— Хорошо, Игорь, пусть будет так. Только ты учти, что мы к твоей отсидке никакого отношения не имеем. По большому счёту в чём-то даже, тебе может и «повезло». Не думаю, что тюрьма, где-нибудь под Красноярском была бы для тебя уютнее...

— Да что ты понимаешь, твою маман! Ты когда-нибудь общался с людьми, у которых крыша протекает?

— Конечно, общался... Сколько угодно.

Белов громко хлопнул себя ладонями по ляжкам.

— И лежал с ними в одной палате?! Умру со смеху? Чего молчишь?

Олег отрицательно покрутив головой ответил:

— Такого не было, Игорь.

— То-то же... Не делай поспешных выводов в тех сферах, в которых ни холеры не петришь...

— Не буду, не хотел обидеть тебя. Дело в том, что тебя в спецклинике удерживали другие люди...

— ... к которым вы, белые и пушистые, никакого отношения не имели и не имеете!

— Не совсем так, Игорь. Просто в наших стройных рядах произошли некоторые пертурбации...

— Пертурбации-мастурбации! Мне какое дело до этого? – Белов медленно доходил до белого каления.

— У нас сменилось руководство, к власти пришли те люди, которые думают по-другому, равно, как и смотрят на многие материи по-другому.

— Ага, ясно. А кто меня хотел убить, вместе с моим старым товарищем? Папа римский, или дух отца Гамлета? Пошарься в картотеке для поисков ответа!

Олег, как истинный агент серьёзного уровня не терял спокойствия и присутствия духа. Более того, ненавязчиво пытался успокоить Гарика.

— Ни тот, и ни другой. Это были те люди, которым выгодно то, что происходит сейчас на Планете N. Им очень важен тот хаос, который сейчас царит там. Они в нём кровно заинтересованы.

Тут ожила рация:

— Второй — первому...

— На приёме, — ответил тот, кого представили Антоном.

— Задержаны преследователи наших «объектов».

— Очень хорошо, — сдерживая радость, с улыбкой на лице, ответил Антон. — Личности не установили?

— Обижаете. Старые знакомые. Те два киллера, которых мы, да не только мы, Интерпол ищет уже почти три года. Так что день не бездарно прошёл.

— Поздравляю.

— Что-то вы прямым текстом, как по писаному чешете... Начальство шею не намылит? Или вы нас успокаиваете, чтоб подоверчивее были? — поинтересовался Белов.

— У нас канал специальный, он закодирован, прослушать невозможно, — ответил Олег. — Начальство, правда, подобных разговоров не одобряет, но сегодня день особый. Мы прекрасно сработали в двух направлениях. Есть повод хлопнуть после работы по паре бокалов коньяка...

Белов возразил:

— Не обольщайся раньше времени, Олег. У тебя есть ещё одна задача, не менее важная — нас уболтать. Так что ещё неизвестно, может, она двух предыдущих стоит...

Олег и Антон переглянулись.

— Приятно иметь дело с умными людьми, — пробормотал Антон. — Значит, тем более наши труды не пропали даром... Приехали!

Неприметное серое здание, выглядело куда скромнее, чем гостиница, в которой они собирались поселиться, или же, сделать вид, что собираются. Облезлый фасад говорил о многом: окраина города — раз, скудный городской бюджет — два, возможно, вороватый мэр — три.

Белов выразил своё удивление:

— Ребята, весь мир перебрасывает сюда вовсе нехилые бабки, а результат вот, перед нами. В чём проблема?

— Спроси что-нибудь попроще, Игорь, — поморщился Олег. — И потом, нас сейчас интересует не внешний вид здания, в котором размещена наша конспиративная квартира, а проблемы, можно сказать, глобальные.

— Да, я совсем забыл, что у вас клопов не дают, — мстительно съязвил Белов.

Олег покосился на Гарика, но ничего не сказал.

Они поднялись на четвёртый этаж. Олег отпер металлическую дверь квартиры. Светильник в прихожей, который включил Антон, подслеповато обозначил довольно скромную обстановку двухкомнатной малогабаритной квартиры.

— Милая «хрущёбка» (1). Блин, во настроили, до сих пор стоит, и до сих пор хорошие люди, проживая в таком, мягко говоря, мало фешенебельном жилье, мучаются. Хорст, скажи, пожалуйста, у вас, в Австрии, такие халупы имеются?

Хаммер пожал плечами:

— Не знаю, не видел. Может быть, и есть, хотя сомневаюсь.

Белов, словно святой с картины Леонардо, красноречиво указал указательным перстом правой руки в потолок:

— Вот что значит воспитанный человек! Чтобы не обидеть наших традиций, свойственных только народам СНГ, так себя корректно повёл! А может, ты это так сказал, чтобы международного конфликта избежать? Колись, дипломат!

Или люди, которые привели их сюда, были слишком озабочены, куда более важными делами, нежели чем подбор достойных ответов на реплики Белова, или же, они, полагая, что Белов может передумать помогать им, или же просто, как люди их профессии, имели железные нервы — факт остаётся фактом — никак не прореагировали на возгласы Белова.

Гарика несколько смутил этот факт, и он понял свою ошибку.

— Ребята, я первый день на свободе, после варварского лечения, притом. Так что не обессудьте дурака...

— Никакой ты не дурак, — ответил молчаливый Антон. — Мы тут парочку твоих лекаришек немножко допросили с пристрастием, они утверждают обратное, так что нечего на себя наговаривать. Ну, был у тебя срыв, да весь вышел. Твои медицинские документы в ближайшие пару дней максимум, эти упомянутые выше «кудесники» приведут в нормальный вид. И забудь о клейме шизофреника. Это уже не про тебя. Да и в мирной жизни пригодится, сам понимаешь. Выбор работы, другие перспективы. Ты ещё молод, так что... Вся жизнь у тебя впереди!

Белов на пару секунд призадумавшись, ответил:

— Рад слышать, что не все меня дурнем считают. Приятно, честно говоря... Излагайте своё дело, без лишних слов и длинных предисловий, по возможности... У вас выпить ничего нет? Так, для тонуса, я ведь не собираюсь напиваться...

Антон утвердительно кивнул и ушёл на кухню.

Олег жестом предложил присесть на диване и креслах, между которыми стоял большой журнальный столик.

Антон вскоре вернулся в комнату с подносом, на котором стояла бутылка «Nemiroff», бутылка минеральной воды и много бутербродов с колбасой, сыром и балыком.

— Налетай, ребята, — пригласил Антон, разливая водку. — За нашу встречу и, надеюсь, успешное сотрудничество.

Тост молча, без комментариев, приняли и за это выпили. Впрочем, возгласами восторга и энергичной поддержки Белов и Хаммер не проявили. Слишком рано. Видимо, ни Антон, ни Олег и не ждали ничего подобного. Антон налил по второй. Вторая рюмка и вовсе прошла без тостов и каких-либо пожеланий. После того, как пропустили по третьей, Белов сказал:

— Всё, парни, мне больше нельзя.

— Я тоже больше не буду, — поддержал его Хаммер.

— Ну, ты-то мог бы, и принять на грудь, — словно уговаривая, заметил Гарик. — Тебе можно.

— Вообще-то я уже выпил три рюмки, — возразил Хорст.

— Ты сейчас, где находишься, не у себя в Австрии, случайно?

— Я в Казахстане, если не ошибаюсь, — спокойно ответил тот с некоторой долей сарказма.

Белов продолжал:

— И ведь у вас там есть свои традиции и обычаи, как в любом государстве?

— Конечно. К чему ты клонишь?

— Да к тому, что мы находимся на территории государства, где не принято принимать ответственные решения, пропустив всего-то три рюмочки. Это СНГ, мой милый друг, а не...

— Ну-ну-ну, ребята! Не надо спорить и ссориться из-за такой ерунды, — примирительно-добродушным тоном произнёс Олег. — Каждый поступает, как может и хочет. Мы тоже живём в свободных странах и уважаем мнение других...

— Давайте к делу, господа, — нетерпеливо сказал Хаммер, решив таким образом направить переговоры в нужное русло.

— И то дело, — поддержал Антон. — Не знаю только, как начать...

(1) «хрущёбка» - квартира в доме постройки эпохи Н. С. Хрущёва. Отличается не очень удачной планировкой, маленькой кухней и невысокими потолками. Но для жизни вполне пригодна) (примеч. авт)

Глава третья

— Что там с нашей Планетой? Её захватили гуманоиды? — насмешливо спросил Белов. Олег и Антон переглянулись.

— Ты несколько упрощаешь нашу задачу, Игорь. Всё, конечно, намного сложнее...

Белов престал жевать бутерброд с балыком:

— Ты что, Олег, серьёзно о гуманоидах?

Тот кивнул:

— Более чем. Только там не только гуманоиды. Некоторые страны, не будем показывать пальцем, испытывают острую нужду из-за нехватки собственных земель, и...очень возможно, что в будущем...

Белов даже привстал со своего места:

— Ты хочешь сказать... Налей-ка, Олежа...

Хорст одёрнул Белова:

— Тебе, наверное, хватит, Гарик...

— Сам знаю, — огрызнулся тот. — Ни хрена не пойму только одного... Мы там прожили три года, и, думаю, что прожили бы ещё лет тридцать, никого не увидев... Как так вышло, что...

— Планета-то не очень маленькая, Гарик, — напомнил Хаммер. — мы просто жили на наиболее удобной, как показалось вам, части Планеты. Мы могли их и дольше не увидеть, хотя я, лично, всегда сомневался и сомневаюсь до сих пор. Там даже рыбы не было, да что там рыба...

— Вот-вот, — часто закивал головой Белов. — Сам не пойму... Ребята, а это не шутка?

— Мы за вами следили и гонялись для того, чтобы так вот, по-идиотски пошутить, — грустно усмехнулся Олег. — Ты думаешь, что нам больше делать нечего?

— Да ничего я не думаю, — отмахнулся Гарик. — Просто, хрень какая-то, да и только. Других эпитетов не нахожу, честное слово...

— И давно... всё это? — спросил теперь уже Хаммер.

— Не очень, но события развиваются очень бурно и печально. Есть жертвы. Я не говорю уже о материальных потерях со стороны Космического Сообщества. Ведь там...

— Куча лабораторий, — перебил Олега Антон, — понастроено всего: станции, жилые дома, космодром, чуть меньше нашего...

— Много всяких баз, хранилищ, ферм, полей, всевозможных посадок, имеющих не только научную, но и практическую ценность. Там живёт немало народу: астронавты, учёные, техники, агрономы, животноводы... — добавил Олег.

— И всё это в одночасье, мы должны отдать в лапы каких-то там отморозков, которые, ни гроша не вложив в общее дело, палец о палец не ударив хотят всё это себе самым наглým образом... — продолжил Антон.

— ...присвоить, — закончил мысль Антона Белов.

— Ну а как же гуманоиды? — поинтересовался Хаммер. — Ведь они, по-видимому, истинные хозяева Планеты...

— Есть версия, что они появились там совсем недавно, вообще из другой Галактики, — пояснил Антон. — И она имеет под собой веские основания.

— Ну а если... — не унимался Хорст.

— Чего там «если», — передразнил его Белов, — мы там столько всего... Если даже они и хозяева, то... — Кстати, — обратился он к Антону и Олегу, — на какой ступени развития они стоят? На людей-то они хоть похожи?

— Всё не так просто, Игорь. И похожи, и непохожи... Они могут менять свой облик, как угодно, или же почти, как угодно, — Олег развёл руками. — У них феноменальная память — вот далеко не полный список их «талантов»

— Ну и что же, вы предлагаете нам идти с ними на переговоры, или же сразу, воевать? — поинтересовался Белов.

— По возможности, Игорь, их нужно попытаться убедить.

— Кто-то уже пытался? — продолжал задавать вопросы Гарик.

— В том-то и дело, что да. Да тут ещё... — Олег замолчал.

— Что «тут ещё»? Не томи, договаривай, давай, а то дети заикаться будут...

— Нет, не будут, они у меня уже взрослые...

— Всякое в жизни бывает, ведь она, бляха, полна всяких казусов и фокусов.

Вмешался Антон:

— Дело в том, ребята, что там дело зашло очень далеко...

— И, может статься так, что в скором времени там понадобятся войска... — задумчиво проговорил Хаммер.

— А пока нужны рейнджеры, с большим опытом и знанием этой Планеты... — Антон посмотрел внимательно на Хаммера и Белова.

— А чего там знать-то? — удивился Белов. — Спасибо на добром слове, конечно, но там любой астронавт... совершенно любой... Условия чрезвычайно похожи на земные, это вам любой пацан скажет, об этом столько написано было... Одного не пойму, почему об этом ничего... Ну, ладно, я в дурдоме был, а ты-то, Хаммер...

— Я ничего об этом не слышал, — предугадывая возможные вопросы Белова, — поспешил ответить тот. — Впервые слышу. Когда это началось? Ведь на Планету летали часто, со всякими целями... По телевидению показывали... Ясно — секретность! Во избежание паники, а ведь она должна быть, её просто не может не быть... Кому это надо, на Земле полно своих забот и проблем! Представляю вой СМИ и ужас обывателей!

— Именно, — кивнул Олег, — именно так, и не иначе!

Белов, чуть поразмыслив, спросил:

— А что, туда, наверное, никто лететь не хочет, да? И ведь, наверное, деньги неплохие? Антон, взяв со стола салфетку, молча написал цифру и показал Хаммеру и Белову.

Оба, одновременно присвистнули от удивления.

— Да-да, парни, именно столько, причём в первый месяц, а потом — надбавки.

— Неужели всё, что там есть стоит так дорого, ведь народу немало понадобится... — усомнился Белов.

— Там есть нечто большее, ребята, — Олег встал со своего места. — Исследования дали такие результаты, что... Дальше тайна за семью печатями...

— Всё это хорошо, конечно, но эта вот полочка, — Гарик указал на салфетку с цифрами, — может стать первой и последней...

— Всё может быть, от этого никто не застрахован, — лицо Олега стало ещё более серьёзным. — Может произойти любая нештатная ситуация. Совершенно любая.

— Форс-мажор, — пробормотал Белов. — А по-русски — жопа, иначе не скажешь... Хорошее слово с множеством значений. Почти Даль... Или Ожегов.

— Да, предложение заманчивым не назовёшь, — продолжал задумчиво комментировать Хорст. — Деньги, конечно, большие, однако, никому не известно, как долго их придётся зарабатывать. Какое оружие имеется в наличии у противника?

— Ты задал очень трудный вопрос, Хорст, — покачал головой Антон. — Чего только у них нет... Да ещё и то, что захватили у других стран... Если изложить короче, то многое известное нам оружие, кроме ядерного. Хочу ещё успокоить, что нейтронной бомбы у них нет. Это я говорю для того, чтобы — если вы согласитесь, конечно — не материли нас последними словами потом. Мол, не сказали, заманили...

— Ну а каким именно оружием они предпочитают пользоваться? — настаивал на своём Хаммер.

Олег ответил на этот раз:

— Как ни странно, самым традиционным, причём тем, которое создаёт достаточно сильный шумовой эффект.

— Они, часом, не китайцы? Те тоже любят пошуметь, я имею в виду пиротехнику, — хохотнул Гарик.

Шутку Белова не поддержали. Он это понял и замолчал.

В комнате воцарилась тишина. Первым её нарушил Хаммер.

— Кто сейчас там...э-э-э... как бы поточнее выразиться, воюет сейчас на стороне землян?

Антон закурил сигарету. Его поддержал Белов, раскурив свою неизменно вонючую «Приму», да ещё и производства города Астана. Хаммер закашлялся.

— Ребята, — попросил Олег, — шли бы вы на балкон. — А когда покурите, тогда и продолжим наш разговор.

Антон и Белов ушли на балкон, не закрыв при этом дверь — так можно было продолжать беседу.

— Мы здесь вообще-то можем говорить с открытыми дверьми? — обеспокоено спросил Хаммер.

— Можем, — махнул рукой Антон, выпуская в атмосферу струю дыма. — Для этого имеется в наличие всё необходимое. Мы ведь готовились соответствующим образом, ведь случайности нам не нужны, Хорст. Балкон не только застеклён и имеет хорошую звукоизоляцию, но и даёт мощные помехи для любой аппаратуры. Да и сигнал закодирован — мама не горюй.

— Понятно, — кивнул Хаммер. — Собственно говоря, я это так спросил, для порядка. Извините меня.

— Всё в порядке, — успокоил его Олег. — Не забивай себе голову ненужными церемониями, у нас сегодня несколько иная задача, так что о дипломатии забудь.

— Расскажите что-нибудь ещё о событиях, имеющих место на Планете, — попросил откуда-то из глубины застеклённого балкона Гарик.

— Для того, чтобы рассказать обо всём не хватит и суток, причём, рассказ будет в сильно сокращённом варианте, — Антон потушил сигарету в консервной банке, которая была при-

креплена к решётке балкона проволокой. — Хреново там, вот что я могу сказать, если не вдаваться в подробности.

— Хреново не хреново — решать нам. Вопрос, насколько хреново? — Белов усмехнулся. — Так что давайте-ка с подробностями, если даже они отталкивающие... Нам нужно знать как можно больше. Чем больше мы будем в курсе дела, тем легче нам будет там, на Планете...

— «Нам»? — Хорст неодобрительно покачал головой. — Не отвечай за других, я ещё ничего не решил.

— Я — тоже, — огрызнулся Гарик. — Я тоже ничего ещё не решил, но, видимо, решать придётся. Я выстрадал эту Планету, и это не громкие слова, не понты какие-нибудь для приезжих. Я рвался туда, несмотря ни на что, я переманил туда лучших специалистов, в конце концов, я пошёл на преступление... Я отсидел, вернее, *отлечился* семь лет! В спецклинике! А теперь, какие-то уродцы из породы свиноголовых хребтогрызов будут заявлять свои права на МОЮ Планету?! Я не говорю о том, какие средства ушли для освоения и благоустройства её! А какие деньги ушли на наши поиски и на то, что мы занимались несколько не тем, что нам предписывалось? А как мы там вкалывали? Ты забыл, Хаммер?

— Помню, особенно в конце, под автоматом, — спокойно ответил Хорст. — Я ничего не забыл, Гарик. А что касается ваших дел на Планете, которые, как ты изволил выразиться, вам не предписывались, то это вовсе не предмет для подражания...

— Брэк! — почти крикнул Олег. — Парни, не на ринге!

— Я знал, знал, что ты не только мне об этом напомним, но и носом в это дерьмо будешь тыкать до самой моей пенсии, а то и до гробовой доски! Я знал! Я искупил свою вину, тем, что позволил на мне ставить медицинские эксперименты! Я, если хочешь знать, в этой клинике вообще бы дуба дал, если бы часть препаратов — таблеток, если по-простому, не выбрасывал или не выплёвывал! А это, поверь мне, не так уж просто, если учесть, что вокруг тебя одни жандармы в белых халатах, и, кроме того, вокруг всё видеокамерами нашпиговано, что даже поспать толком нельзя, зная, что за тобой подсматривают...

— Гарик, кто же в этом виноват? Не я, случайно?

Белов, понимая справедливость замечания, умолк.

— Ну что, парни, страсти умолкли? С такими настроениями вас в один корабль... — развёл руками Олег.

— Перекусаем друг друга? — Белов горько усмехнулся. — Нет, этого не произойдёт по причине того, что разговоров на эту тему больше не будет. Не будет потому, что он прав. Извините меня, нервишки подгуляли. Я вообще удивляюсь, как вы ещё мне такое предлагаете после всего случившегося. Наверное, совсем с кандидатами слабовато. Кстати, там, на Планете никого из наших старых знакомых нет?

Антон кивнул:

— Конечно, есть. Было бы странным, если бы хоть кто-то из первооткрывателей Планеты не захотел бы вновь побывать на ней.

— Да, но ведь это отнюдь не увеселительная прогулка, там ведь идёт настоящая война, если я вас правильно понял? — спросил Хорст.

— Верно, — ответил за Антона Олег. — Да вот только, война-то там совсем недавно, а люди, по контракту продолжают работать.

— Только ли в контракте дело? — усомнился Хаммер. — Ведь в нём ничего такого прописано не было...

— Верно, — со вздохом согласился Олег. — Не только. Оттуда, ребята, сейчас улететь-то непросто. Каждый рейс на вес золота, в буквальном и переносном смысле этого слова. Каждый рейс на вес золота... Нужен провиант — того, что есть на Планете, не хватает. Нет, ну есть и НЗ (1) там, но его пока не трогают — на то он и неприкосновенный запас. Нужно топливо,

вооружение и боеприпасы. Ну и многое другое. Медикаменты, наконец, врачи — их там мало... Мало ли чего ещё — всего сразу и не вспомнить...

— Не было у бабы заботы — так купила поросё, — мрачно молвил Белов. — Наделали мы дел с этой нашей Планетой! Прямо как чемодан без ручки — носить нельзя, а выбросить жалко... Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя! Какие все нежные и ранимые — сил нет! Один только Гарик чёрствый и неженственный!

— Брось хрень всякую собирать! Бред собачий, да и только! — раздражённо заметил Хаммер.

Антон с Олегом переглянулись, а Белов удивлённо и в то же время, удовлетворённо присвистнул:

— Bravo, Хорст, не зря ты со мной общался, хоть и недолго.

— А ты разве хорошему научишь? — хмыкнул Хаммер. — Сплошной сленг, зачастую лишённый всякого смысла. Равно как и пословицы... Не на каждый язык переведёшь.

— Не скажи, Хорст, не скажи! Великий и могучий... Сленг! Гы-гы!

— Ребята, если вас посадить в одну ракету — я уже не говорю, что поставить совместную задачу на Планете — то к концу программы Хорст будет не только виртуозно крыть матом, но и ботать по фене... — Олег покачал головой.

— Да будет вам! — Белов отмахнулся. — Прямо я — худший из представителей... Не делайте из меня отрицательного героя! Хоть и имя у меня подходящее...

— Причём здесь имя? — удивился Хаммер.

— Да притом. В советской литературе, которую вновь изучают не только в школе, но и в высших учебных заведениях, несколько десятилетий подряд, имя «Игорь» использовалось только применительно для всякого рода жуликов, карьеристов, всяких скользких и аморальных типов, поведение которых не вписывалось в советскую мораль. А неизвестный князь Игорь, а?... Так, ребята? — обратился он к Олегу и Антону.

— Верно, — подтвердил Олег. — Так оно и было. Но сейчас совсем не то время, и брось себя стегать...

— Слушайте, парни, — словно спохватившись, спросил Хаммер. — А кроме вас этим делом — я хотел сказать, подбором команды — кто-нибудь ещё занимается? Ну, я имел в виду представителей других государств?

Белов захохотал:

— Начинается! «Советская угроза!» «Русские идут!» Начитался всякой херни, Хаммер? Это — дела давно минувших дней, преданья старины глубокой!

— С чего ты взял? — несколько смутившись, отбивался Хаммер. — Просто не успели мы в баре толком посидеть... А тут сразу... — отшутился он.

— И оба русские? Нет, Хорст, — терпеливо начал разъяснять Антон. — Этим, как ты выразился, делом заняты все государства, входящие в список стран, именуемых Космическими Державами. Так что, помимо нас, этим заняты США, Китай, Индия, Иран, Япония... Кроме перечисленных, и те страны, у которых в активе есть хотя бы пара кораблей, или, просто совместные полёты с перечисленными Космическими Державами. Могут принять участие и те страны, которые хотят внести посильную финансовую поддержку, как Германия, например. Так что делай выводы, Хаммер.

— Я вовсе не хотел обидеть вас, парни, — густо покраснел Хорст. — Не принимайте близко к сердцу...

— Да будет тебе, проехали. — Хлопнул по плечу Хорста Олег. — Думай о другом, более важном.

— А кто-нибудь из наших старых знакомых — я имею в виду первых поселенцев Планеты, не принимает какого-либо участия в подборе кадров, или в ... — Хаммер задал вопрос скорее для того, чтобы загладить свою вину и несколько разрядить обстановку.

— ... войне? — закончил мысль Хорста Антон. — Есть такое дело, Хорст. Да мы ведь эту тему уже затронули сегодня. Если тебе нужна более подробная информация, то я готов ответить на все твои вопросы. Кто именно тебя интересует?

— Да, собственно, все. Они мне все не чужие. Не видел давно многих. Кому-то может показаться странным, но я скучаю. Слишком многое у меня связано с этими людьми.

— Ну, хорошо, Хорст. — Антон откашлялся, словно собирался произнести длинную, содержательную речь. — Слушай. Леон Рено занят делами, связанными со своей специальностью. Был связан. Сейчас он занят... Я даже не знаю, чем именно. На Планете царит хаос. Может он даже и воюет — более точно тебе никто не ответит. Далее, Андре Моруа. Небезызвестный тебе физик-исследователь и электронщик по совместительству — освоил смежную специальность. Работал по контракту. В последних известиях не фигурирует. Ты знаешь, в новостях правды искать не следует. Журналисты очень часто врут, как сивые мерины, или кобылы — всё зависит от пола. В том вся разница.

— Ну а как же все остальные? — спросил Хаммер. — Ирма, Эмма, Элен, Арчи, Рик, Эльза, старик Вилли? Какова их судьба?

— Насколько мне известно, — задумчиво произнёс Антон, — все они были задействованы по контракту. Речь, как ты понимаешь, идёт о Планете. Кому как не им работать там.

— А как же Бак, Хендрик, Бойл и Хью? — спросил Белов. — Они тоже там работают?

— Бак запил, давно и безнадёжно, Хендрик — тоже. А вот что касается Бойла и Хью — они на Планете. Срок им заменили на условный, он давно истёк — так что они имели полное право на работу на Планете. Предложений им поступило — хоть отбавляй. Вот так.

Белов откашлялся и спросил:

— Ну а как же... кх... Э-э-э... Хелга Артмане?

Олег укоризненно посмотрел на него, затем, мельком, на Хаммера.

— Она уже давно не Артмане, а Хаммер.

— Это сути не меняет. Какова её судьба? Прости, Хорст, я, видимо, вмешиваюсь не в своё дело, но от любопытства просто распирает.

Наступило тягостное молчание, которое затянулось на пару минут, показавшиеся Хаммеру целой вечностью.

Молчание первым нарушил Антон:

— Понимаешь, Игорь, здесь всё не так просто. — Он посмотрел украдкой на Хорста. — Хелга тоже работала по контракту на Планете. А сейчас... Словом, о ней нет давно никаких вестей. Послали специальный запрос... Ответ ждали долго... Она пропала без вести.

— Как пропала? — почти выкрикнул Хаммер. — Что это значит?! Что с ней?!

— Не кричи, Хорст, — спокойно ответил Олег. — Мы здесь ни при чём. И мы знаем чуть больше твоего. По сути дела, все ваши коллеги пропала без вести. Ну, почти. Это не значит, что с ними случилось что-то дурное. Заметь, на Планете журналистов почти не бывает, так что качать информацию попросту некому. Все они — я имею в виду ваших недавних коллег — до недавнего времени работали по своему профилю. С началом военных действий... всё изменилось, Хорст, сам понимаешь. Более точного ответа не существует.

Задыхаясь от гнева, Хаммер возмутился:

— Какого чёрта её понесло туда? Ей что, денег на жизнь не хватало? Я не был официально разведён, но никогда о детях не забывал, посылая каждый месяц сумму, которой с лихвой хватало на содержание! Что она забыла на Планете?!

— Не ори, Хаммер! — теперь уже повысил голос Олег. — Возможно, дело не только в деньгах! Дети остались, видимо, под присмотром матери, ведь она ещё не старая женщина. И потом, когда она улетела на Планету, там всё было вполне благополучно. Кто же знал, что так получится! Этого никто не мог предугадать! Сам пойми, как учёный-астронавт может усидеть дома! Да если бы я стал одним из участников открытия новой Планеты!.. Она бы мне снилась

по ночам! Это элементарно, как закон Бойля-Мариотта! Неужели ты этого не понимаешь? В конце концов, это же твоя хоть и бывшая, но жена! Неужели ты её совсем не знаешь? Прости, конечно...

— А при чём тут журналисты-то? — задумчиво спросил Белов. — Что, связи с ними нет что ли?

Олег пожал плечами:

— Связь часто и надолго пропадает — либо повреждается в результате военных действий, либо...

— Глушится противником, — закончил Гарик. — Или нашими, для собственной же безопасности.

Хаммер помолчал немного, затем, вздохнув, медленно, с расстановкой, горестно произнёс:

— Наверное, не знаю толком своей жены. Бывшей. Возможно, я был плохим мужем и отцом...

— Брось, Хорст, — Белов положил руку на плечо Хаммера. — Образуется. Слетаем, всё выясним. Я, лично, готов. Вы ведь мне оба не чужие. Может, для тебя это и пустой звук...

Хорст, словно не расслышав последних слов, спросил у Олега с Антоном:

— Когда лететь?

Олег ответил:

— Сначала нужно пройти специальную подготовку. Полёт несколько необычный. Понадобятся дополнительные навыки и обучение. С военным уклоном, так сказать... С учётом настоящего времени, нового оружия и особой сложности боевых действий. Я понимаю, что вы оба проходили службу в армии, но, тем не менее, инструкция требует... Нужно кое-что освежить в памяти. На это уйдёт некоторое время.

НЗ – неприкосновенный запас.

Глава четвёртая

— Сколько?.. — глядя в стену, спросил Хаммер.

— Примерно три недели, Хорст, — Олег с сочувствием посмотрел на Хорста.

— А раньше никак не получится? — с надеждой спросил Хорст.

— Может быть, но ненамного, — честно ответил Олег. — Я понимаю, что ваш с Игорем уровень говорит о многом, но...

— Понятно, — коротко бросил Хаммер. — Когда начнутся занятия?

— Да хоть завтра. Было бы сказано. — Олег внимательно посмотрел на Хаммера. — Только, Хорст, давай договоримся сразу...

— О чём?

— Это не подлог — я имею в виду всё сказанное. Дело действительно обстоит так. Это отнюдь не причина для шантажа, с целью...

— Я всё понял, Олег. Ребята, я устал смертельно и хочу спать...

Антон успокоил его:

— Парни, ложитесь-ка отдыхать. Места хватит всем. Мы останемся с вами в качестве охраны, хотя особой тревоги за вашу судьбу нет... Мы за вас отвечаем. Спокойной ночи.

— Труба звёт, Хорст, — будил Хаммера Белов, тряся его за плечо. — Тебя ждут великие дела, пилот. Давай-ка завтракать. Я тут кое-что незатейливое приготовил на завтрак. Вставай, вставай! Умываться, бегом марш! Равнение на одного линейного! К торжественному маршу, побатальонно!

— Это ещё что за шагистика, а? — спросил толком не проснувшийся Хаммер. — Кончай свои казарменные штучки, Гарик! Где нахватался?

— В армии, где же ещё! Знаешь, Хорст, а ведь воспоминания, связанные с армией, самые светлые и приятные, как ни странно! Если бы мне сказали об этом лет пятнадцать назад, я бы этому человеку плюнул бы в рожу, а сейчас... Нет, всё было здорово, ей-богу, здорово! Молодость, безудержная радость по поводу и без повода, поистине лошадиное здоровье и, главное, впереди целая жизнь! Полная радужных надежд и позитива!

— Дело не в армии, Гарик! Дело в молодости.

— Ишь ты, понимаешь, Цицерон! А ведь ты прав, как всегда прав, Хорстушка, мать твою в душу, прости меня. Господи, за богохульство... Действительно, молодость, и ничего больше! Хотя, нет, ой как хотелось бы ребят увидеть, тех, с которыми служил и невзгоды хлебал, да не ложкой, а... эх, где мои... короче, пойдём-ка жрать, дорогой пилот Международного класса...

Они ели яичницу с салом, запивая эту еду какао.

— Очень вкусно, Гарик, спасибо тебе! — Хаммер наслаждался здоровой, холестериновой едой. — У тебя скрытые таланты!

— А ты, что, думал, что я только в дурке лежать могу, и ничего более?! Ну, спасибо, друг сердечный! Не ожидал, ей-богу, не ожидал! А ведь готовил эту пищу богов с настроением и творческим подъёмом!

— Да ладно тебе, Гарик, не обижайся! Всё замечательно, честное слово! Только вот одно плохо — не успел зарядку сделать!

— Может, просто поленился, а Хорст? А теперь на меня сваливаешь!

— Может быть, может быть... Полезные привычки пропадают сами собой. Точно так же, как и появляются вредные...

Они, перебрасываясь немудрёными шутками, завтракали. В кухню вошли Олег и Антон.

— Ну а как насчёт нас, господа? — спросил Антон, — надеюсь, мы не *пролетели*?

— Нет, ребята, вы не в пролёте, яиц в вашем хозяйстве полным-полно, так что добро пожаловать к нашему шалашу. Сало тоже есть в наличие, хотя и не совсем понятно, откуда оно взялось в мусульманском государстве...

— Э-э-э, Игорь, времена меняются, как пел небезызвестный Боб Диллан. Сейчас многое можно, даже то, что каких-нибудь двадцать лет назад считалось полной дикостью и варварством.

— Не так уж это и плохо, Антон, — рассудительно подытожил Белов. — Сало — продукт пролетариата.

— Пролетариат дано канул в лету.

— Знаю, Антош, знаю, — Белов наколол последний кусочек яичницы на вилку и, отправил его в рот, таким образом, заканчивая завтрак, — пора обговорить детали, ребята. Еда едой, а дело — делом. Кстати, о сале и пролетариате: таковой сгинул, но сало осталось, поскольку этот священный продукт вечен!

— И то верно, — одобрил Олег мысль Белова. — Только я не совсем понял, оба ли вы полетите?

Белов посмотрел на Хаммера. Тот утвердительно кивнул.

— Намёки излишни, ребята, — Белов серьёзно посмотрел на Олега и Антона. — Давайте-ка ваши инструкции и всякого рода подробности. Мы оба сплётное внимание, — внезапно добавил он с немецкоязычным акцентом. — И это есть корошо, коспода... — дурачился он.

Антон посмотрел на него так, как смотрят санитары психиатрической клиники на больного.

— Ладно, Игорь, шутки в сторону, хотя я, лично, твоё поведение одобряю. Это очень хорошо, когда человек находит время, и главное, силы, на шутки. Но, прежде всего, позволь нам позавтракать, а?

— Еда — это святое. Дела чуть позже.

Через полчаса неторопливого завтрака, Антон и Олег принялись инструктировать Белова и Хаммера.

— Вас учить, ребята, только портить. Класс твоего технического уровня, Игорь, и твоего, Хорст, необычайно высок. Но! Следует учесть одно обстоятельство — военные действия. На Планете, может случиться, чёрт знает что. Поэтому... Поэтому, следует помнить, что это не совсем обычный полёт, и нужно быть предельно осторожными. Мы толком не знаем сами, как нужно вести себя с этими сраными, извините за пикантную подробность, гуманоидами, или как там их ещё надо называть — этого никто не знает. Неизвестно так же, как поведут себя наши вчерашние друзья и соратники, — я имею в виду страны, у которых земельный вопрос не просто открыт, а находится в критическом состоянии... Земли мало, народу много... Простите меня за этот канцеляризм—наследие времени и прошлого режима. Мы ничего этого не знаем, однако, должны и считаем своим долгом инструктировать вас! Мать иху ити! Как вот здесь быть, а? Я чувствую себя полным идиотом! — Олег выругался отборным матом.

— Не парься, Олежа! — успокоил его Белов. — Жизнь полна неожиданностей. К тому же прекрасна и удивительна. Разберёмся на месте. Конечно, хотелось бы знать некоторые особенности ведения войны нашими оппонентами, пардон, нашим противником, я хотел сказать. Но поскольку специфика нашего задания не позволяет, то... что же тут поделать! Интересно, чем вооружены эти засранцы? Насколько они опасны и вероломны? Каков предел их подлости? Сильны ли они физически?

— Игорь, — Антон тяжело вздохнул, — мы сами ни черта толком не знаем по одной простой причине — из-за отсутствия практически всякой информации. Сами понимаете, что телемоста у нас нет. В особенности ведения войны противник нас не посвящает. Чем они воюют, мы толком не знаем....

— ... хотя некоторые подробности ведения войны нам всё же известны, — перебил Антона Олег. — Эти черти очень любят «наше» оружие, причём, огнестрельное. Нравится им, понимаешь, шум. Со своим-то у них не очень, но одно доподлинно известно — ребята эти очень способные и схватывают всё просто на лету...

— Язык осваивают просто с космической скоростью, — снова вмешался в разговор Антон. — По-русски базарят как студенты университета имени Патриса Лумумбы. Только с той разницей, что черножопые студенты посвящали этому бессонные ночи и годы, в промежутках между романами с нашими бабами, а эти, после нескольких переговоров уже...

— Что, были какие-то переговоры? — изумился Хаммер. — Имеются налицо какие-либо позитивные сдвиги? Есть хоть какие-то плоды?

— Плоды гнилые, — лаконично пояснил Антон. — С ними чрезвычайно тяжело вести какие-либо переговоры, потому что у них совершенно другая логика, а если быть более точным, полное отсутствие таковой. С нашей точки зрения, во всяком случае. Есть некоторые записи ведения переговоров, мы их можем вам предоставить, только смею вас заверить, парни, вам это ничего, ровным счётом, ничего не даст. Не тешьте себя иллюзиями... Лучше вообще ни во что не вдаваться, честное слово... те, кто с ними вёл эти переговоры очень давно не выходили на связь. И очень возможно, что...

— Так уж и ничего? — усомнился Белов, — неужели мы не поймём их? И ты что хотел сказать про тех, кого давно не было в эфире?

— Я ничего не могу сказать определённого... Бойцы спецназа это были. А что касается их лётного стажа... Он не так уж велик — всего-то курсы. А насчёт того, что можно понять... В этом случае адаптер языков очень слабый помощник, — покачал головой Антон, — тут всё куда сложнее. Там народ обезбашенный.

— Должны же у них быть какие-то свои слабости. Слабости и цели. Просто так войну не начинают, — высказал своё предположение Хаммер. — У них существуют определённые задачи и цели. Так должно быть. Иначе какой смысл воевать? Из спортивного интереса?

— Бесспорно, — согласился Антон, — только мы этого до сих пор не знаем, как это не парадоксально. Видимо, вам и предстоит узнать, что к чему...

— Полёт нормальный, все системы и узлы в норме. Самочувствие хорошее. Какие будут инструкции? — докладывал на Землю, в Центр Управления Полётом, Белов.

— Вас поняли, «Лев». Ничем новым вас инструктировать нет смысла — вы сами всё наперёд знаете... — несколько нарушая инструкцию, отвечал ЦУП.

— Наш корабль управляется одним из лучших пилотов Космического Сообщества, — нескромно напомнил Белов Земле. — Это всего лишь констатация факта, не более. Я рад и горд этому обстоятельству.

— Знаем, «Лев», знаем, поэтому и возлагаем на вас большие надежды, — ответила Земля. Конец связи.

— Вас понял, — ответил Белов, заканчивая сеанс связи. — Как у нас дела, Хорст?

— Да всё нормально, Гарик. Пока, во всяком случае.

— Что значит «пока», Хорст? Не темни. Что-то не так?

— Да всё так. Просто...

— Что «просто»?

Хаммер несколько помедлил с ответом.

— В прошлый раз тоже всё шло по плану, однако...

— Что «однако»?

— А то ты не знаешь! Всё кончилось падением на ваши головы... Помнишь, надеюсь?

— Да уж, конечно, помню... Как забыть, все планы нарушил...

— Опять начинаешь?!

— Нет-нет, всё нормально, это я так, к слову... и пошутить уже нельзя... все такие серьезные! Слушай, Хорст, а что в прошлый раз помешало тебе продолжать полёт? Я что-то запамятовал — столько лет прошло...

— Астероиды, — коротко бросил Хаммер. — Из-за них-то и случилась авария. Их было слишком много, настолько много, что ни автоматические пушки, ни ручные, под моим управлением, не справились...

— Ты посмотри... — надеюсь, на этот раз мы будем избавлены от возможности пережить заново то, что пришлось тебе, тогда?

— От души на это надеюсь, хотя стопроцентной уверенности не испытываю. Всякое может случиться — ведь здесь такая зона, как выяснилось...

— А на карте-то не указано!

— Было! Было не указано! Я писал рапорт, да что там рапорт — рапорта! Долго и нудно, в течение нескольких недель. Теперь это есть на карте, но от этого не легче. Белов!

— А?

— Может быть, сменим тему и займёмся чем-нибудь более приятным, скажем, обедом?

— Пуркуа па (1), месье. Сейчас что-нибудь соображу.

— Сделай милость. — Хаммер снова уставился на монитор, не забывая, однако, бросать взгляды в большой иллюминатор.

— Ну, как? — спросил Белов, вернувшийся с какой-то снедью.

— Всё спокойно, зря я, наверное, паниковал. Нервы. Тут ещё и мысли всякие... Нехорошие...

— Не забивай себе голову всяким силосом. Прилетим — всё выясним.

— Надеюсь, что всё обойдётся, и у нас просто недостаточная информация.

— Я тоже на это надеюсь. А сейчас, уважаемый коллега, пора перекусить. Значит, ассортимент таков: куриное пюре, картофельное пюре, сок яблочный, сок томатный, хлеб... Ты что будешь?

— Всё сразу.

— Вот это по-нашему! — обрадовался Гарик. — Прочь, тоска!

Они принялись за еду.

— А неплохо, Хорст. По крайней мере, вкуснее того, что давали на обед в клинике, — он вдруг засмеялся. — Ты знаешь, а как-то непривычно есть, вот так, когда рядом нет злобных рож санитаров...

— Гарик, я тебе очень сочувствую, но тебе пора потихонечку забывать об этом. Не рви нервную систему, она ведь весьма ранима и не прощает лишних стрессов... И потом, те времена прошли и тебя там уже нет! Ты здесь.

— Эх, Хорст! Не так-то это просто. Боюсь, что до конца дней своих этого не забуду. Семь лет, шутка ли. Ты знаешь, один мой знакомый всегда говорил, что нет худа без добра... И ещё, что за одного битого трёх небитых дают...

— Дай мне лучше соку. Знаешь, что я тебе скажу: Господь испытывает нас постоянно, вот и тебе досталось суровое испытание.

— Какого тебе соку?

— Томатного.

— Получи!

— Спасибо. Ты стал богаче в плане жизненного опыта.

— Я, наверное, был просто наказан, сам знаешь, за что.

— Не терзай себя. Спасибо за обед.

— Не за что. Как там у нас дела? Угу... — Белов бегло пробежал глазами по приборам. — Вроде всё нормально. Лететь недолго осталось. Главный Компьютер! — крикнул он не столько для того, чтобы получить информацию, сколько разрядить обстановку. — Как там у нас дела?

— Что именно вас интересует, бортинженер? — отозвался компьютер женским голосом.

— Что значит: «Что именно»?

— А то и значит, что вопрос нужно ставить чётко, — пояснил Хаммер.

— Ну, ещё бы! Если я не ошибаюсь, компьютер сделали в Германии? А там без конкретности никуда... — проворчал Белов. — Педанты хреновы...

— Ошибаешься, в Японии. Там тоже любят конкретность.

— Конечно! А ну, вас, с вашей точностью! Это всё идёт от серости и скудности души... Разная у нас с вами логика.

— Не валяй дурака. Логика у всех одинакова. Уточни, пожалуйста, что именно ты хотел узнать от Главного Компьютера.

— Я, вообще-то уже и забыл. По-моему, я хотел уточнить, насколько безопасно проходит полёт.

— Это вопрос? — вежливо спросил Компьютер.

— Нет, блин, это мысли вслух, железка ты заумная.

— Не понимаю вас, бортинженер.

— Да я и сам себя не понимаю, а тебе-то, куда... Нам ничего не угрожает в ближайшее время? А то командир беспокоится.

— Все системы в норме. Если не считать приближения астероидов, которые появятся в непосредственной близости через сорок минут, то оснований для беспокойства нет.

— А если бы не мой вопрос, мы так бы ничего и не узнали об астероидах?

— Доклад с моей стороны последовал бы через двадцать пять минут, — спокойно ответил Главный Компьютер.

— Спасибо, Главный Компьютер, — поблагодарил Хорст.

Обратился к Белову:

— Гарик, отстань от машины...

— Ладно, уже отстал. Всё-таки здорово придумано — есть свой мальчик для битья... Или девочка?

— У компьютера нет пола, Гарик, и ты это лучше меня знаешь. А голос всегда можно поменять при необходимости. Вернее, из вредности, скорее всего.

— Знаю, просто я вредный. А если честно, то на душе кошки скребут. Это от неизвестности, Хаммер.

— У меня тоже не очень хорошее настроение. Причин хватает. Слушай, Белов, а если астероидов будет много? Здесь пушки-то послабее, чем на «Водолее».

— Ну и что? Это с лихвой компенсируется скорострельностью и конструкцией пули. Оба, вот и показались, чертовы камушки, хоть и далеко, но... А ведь до фи́га их, Хорст. Смотри в оба...

Наступила долгая пауза.

— Командир, мы входим в астероидный пояс, — отчеканил Главный Компьютер.

— Знаю, знаю, спасибо, — на лбу у Хаммера выступил пот.

Он нажал на гашетку джойстика.

— Да, Белов, скорострельность приятно удивляет.

— А то! Вон, только пыль отлетает! Хорошо ребята потрудились над вооружением, ничего не скажешь.

— Да, действительно, — Хаммер продолжал вести прицельный огонь. Автоматическое оружие тоже самостоятельно расстреливало астероиды.

— Командир, мы прошли пояс. Отличная работа, поздравляю, — Главный компьютер констатировал это почти радостным голосом.

— Спасибо. Знаешь, Гарик, а ведь эта похвала, как ни странно, приятна.

— А что здесь странного? Доброе слово и собаке приятно...

— Да, умеешь ты обрадовать, Белов. Главное, точно и вовремя. У тебя талант... Открытый.

— Ничего я особенного не сказал. Тем более обидного. Ты бы лучше отдохнул. Поставь на автопилот и ложись спать, а я, если что, разбужу. Если ничего неординарного не произойдёт, то я и сам кое-что могу...

— Знаю, мог бы и не говорить. Так, всё, я отдыхаю. Если происшествий не будет, разбудишь меня... через три часа.

— Давай, давай, отбой вооружённым силам мирного Космоса.

— Угу... — буркнул Хаммер, не поняв до конца смысла сказанного.

(1) Пуркуа па – извините меня (фр)

Глава пятая

Он откинул спинку кресла и закрыл глаза. Сон не шёл. Мысли роем кружили в голове, цепляясь и натываясь, друг на друга. Мыслей было много, и ни одной, которая бы вселяла здоровый оптимизм.

Он наконец-то успокоился, преодолев астероидный пояс — вот, пожалуй, то, что должно было радовать, но не радовало. Слишком много он пережил в ожидании, вспоминая прошлый полёт и тот досадный казус — это долго держало его в нервном напряжении, которое ещё не прошло.

Не давали покоя мысли о Хелге — она, возможно, была в опасности, если вообще... Нет, об этом думать не надо, так можно и рехнуться. Потом он начал анализировать факт развода с Хелгой. Почему так вышло? Дети, прекрасная работа, дом... Чего ещё можно желать? Работали на Земле вместе. Психологи говорят, что не очень хорошо, когда супруги работают в одной фирме. Отсутствует обмен информацией, и потом, когда они всегда вместе — тоже не очень-то хорошо. Это только отдаляет их, лишая пресловутого личного пространства. А после... командировки. У него и у неё... Думали, так будет лучше...

Хаммер вздохнул. Как бы то ни было, как ни крути, как не анализируй, дело обстоит именно так, как обстоит — они уже не вместе. Это факт, который перечёркивает все доводы и размышления. Ну, характеры у них обоих не сахар. Не часто уступали друг другу. Может быть, ему, как мужчине, стоило делать это почаще? Он грустно улыбнулся, не открывая глаз. А что потом?

Наконец, Хаммер уснул. Снились ему какие-то странные существа, напоминающие всех фантастических персонажей сразу. Они с Беловым летели на каком-то непонятном летательном аппарате, обстреливая этих существ из рогаток. При этом Белов командовал:

— Приготовиться к атаке противника. Залп!

И они стреляли из рогаток, иногда попадая в этих существ и их летательные аппараты. Гуманоидам подобная стрельба почти не приносила вреда.

Камешки, пущенные из рогатки, достигая цели, оставляли едва заметные повреждения на обшивке кораблей да на коже существ.

— Как мы вообще ещё куда-то попадаем, — выражал своё удивление Белов. — Ведь невесомость, блин!

Хаммера очень рассмешила эта фраза, он начал хохотать. От собственного хохота он проснулся.

— У тебя всё в порядке, Хаммер? Не пугай так.

Вытирая глаза от слёз, Хорст продолжал смеяться. В этом смехе было многое: неудачи последних лет — в личной жизни, разумеется; нервное напряжение до полёта; нервное напряжение перед атакой на астероиды... И многое-многое другое, что влечёт за собой возможную истерику, выраженную, в данном случае, таким вот образом. Да, ещё дурацкий сон.

— Не пойму, что с тобой — истерика или разрядка, — недоумевал Белов. — Слушай, Хаммер, если немедленно не прекратишь, врежу тебе по морде — говорят, что это помогает. Да что там «говорят», я и сам знаю, ведь где лечился... Хаммер, мать твою, заткнись, а то получишь!

Хаммер, словно предчувствуя физическую расплату (едва ли он слышал ворчанье Белова), перестал смеяться.

— Что за ерунда, Белов, как ни в полёте, так какая-нибудь чушь приснится. А?

— Не знаю. Мне такое снилось последние годы — вроде не летал никуда. Ну да, в клинике и не такое... Ладно, ладно, не буду...

Хаммер привёл спинку кресла в вертикальное, рабочее положение.

— Хватит болтать ни о чём, — потянувшись (нельзя сказать, что «сладко» — нормального сна-то не было, значит и потягиваться, как это делает хорошо отдохнувший человек, не получилось), Хорст тяжело вздохнул:

— Слушай, Гарик, если бы не история с Хелгой, я бы ни за что не согласился на эту авантюру.

Белов почти хрюкнул, показывая своё презрение к возможной опасности.

— А мне что было делать? Меня бы просто кокнули в этом грёбаном Байконуре, да и всё... И тебя, скорее всего, как ненужного свидетеля. Да и потом, какие у меня перспективы? Денег почти нет, работы не предвидится, жильё черте где, на краю географии, где мне делать тоже нечего... Досье у меня, сам понимаешь, с ним или в дурдом, или, что вполне вероятно — в тюрьму, причём, при малейшем поводе... А здесь с меня снимают все прошлые грехи, и не просто так, на словах — слово к делу не пришьёшь, как говорят в полиции и прокуратуре, а на бумаге... Контракт ты сам подписывал, и мой видел тоже. Так что, от добра, добра не ищут, Хаммер. Такого варианта и во сне не увидишь.

— Угу. В кошмарном, — ехидно поправил Хаммер.

— Слушай, тебя ведь тоже могли кончить вместе со мной, а? Что, не так?

— Вот-вот, где появился Белов — жди неприятностей. Если бы я тебя не встретил, то...

— Если бы, да кабы... Не знаю я, какие у вас там с Хелгой отношения сложились за последние годы, но твёрдо знаю другое. Она — мать твоих детей, и сейчас находится в опасности, возможно, смертельной.

— Это я и без тебя знаю, — проворчал Хаммер. — Тоже мне, указчик. В своей семье я как-нибудь сам разберусь.

— Не злись, Хаммер, я ведь просто хотел сказать этим, что тебе в любом случае надо было лететь. Кто-то, быть может, поступил бы по-другому, но ты, как человек глубоко порядочный... И потом, мне безразличны ваши отношения — как бы это дико не звучало.

У Хаммера отвисла челюсть от удивления.

— Что-то я тебя не пойму, Белов. То ты вопишь, что у тебя увели любимую, а теперь...

— Хорст, остановись! Я многое передумал, взвесил и оценил по-новому, более трезво и осмысленно — времени было предостаточно. Вы с Хелгой хорошие люди и отношения между вами были такие, что просто позавидуешь. Я был просто лишним, это и ежу понятно. Вы мне... вы мне оба дороги, Хорст, оба.

— Это почему? — всё ещё не отошёл от услышанного Хаммер. — Почему? Объясни?

— Не всегда какие-либо чувства поддаются описанию и объяснению, Хаммер. Я ведь не писатель, а всего-навсего технарь. Понимаешь, вы с ней, с Хелгой, то есть, часть прожитой мною жизни, причём, далеко не худшая часть, невзирая на печальный для меня лично, финал. Не все с Планеты мне были симпатичны, не все. А вы... Эх, Хаммер для того, чтобы всё толком объяснить, нужно выпить за круглым столом не менее литра водки, а мне, как ты знаешь, это теперь противопоказано.

Помолчав с минуту, а то и больше, Хорст задумчиво сказал:

— Знаешь, Гарик, всё очень туманно, ты не обижайся только. Я даже не могу сказать точно, верю ли я на сто процентов в твою искренность. Наверное, всё действительно не так просто. Давай закроем — временно — эту тему. У нас с тобой куча дел, мы даже толком и не знаем, каких именно. Если бы я никогда не бывал на этой Планете, я бы сказал, что мы летим в никуда... Впереди полная беспросветность. Мы не знаем, что нас ждёт, мы не знаем, насколько серьёзна и опасна эта война, если она вообще не вымысел спецслужб...

— Твоими устами да мёд пить, — покачал головой Белов.

— Может быть, у них вообще какие-нибудь другие цели, откуда я могу знать?! Как ты думаешь, почему пресса до сих пор ничего не прониюхала? Как это могло их обойти? Как?

Неужели никто из астронавтов не захотел улучшить своего материального положения, дав интервью какому-нибудь журналу? Или газете?

— А ты не допускаешь мысли о том, что, может быть, наши коллеги дали *такую подписку о неразглашении* государственной тайны, что никто из них не пожелал сделать деньги на сенсации? А себе реальный срок... И потом, оплата тех, кто задействован, так или иначе, на Планете... Или ты забыл, сколько мы будем получать? Ты ведь контракт подписывал не так давно! Или забыл? Да и до того полёта ты жил небедно и спокойно, а?

— Да ничего я не забыл! Если бы я страдал склерозом, то не прошёл бы медицинскую комиссию! Ты одного не понимаешь: на войне можно погибнуть в первый же день, а на гоно-рар...

— Не так уж и много, невзирая на количество нулей! Учитывая риск... А, Склифосовский?

— По-моему, мы сейчас речь ведём не о медицине, Гарик.

— Ну, это я так, к слову... Не совсем удачно. Это, как бы тебе сказать, почти народная мудрость — я имею в виду ту фразу, какую только что произнёс. Дело вовсе не в этом, Хорст!

— А в чём же? Выражайся яснее!

— Если бы я сам толком знал! Здесь, Хорст, по-видимому, настолько всё серьёзно, что спецслужбам удалось сохранить всё в секрете, несмотря на сенсационность событий.

Хаммер резко повернулся к Белову.

— А я знаю, что думаю, Гарик? Дело ещё не только в этом, хотя, безусловно, и в этом тоже — ведь не дошло же до Земли до сих пор какое-нибудь сообщение, которое обсуждал бы давным-давно весь мир! Суть ещё и в том, что...

— Ну? — напрягся Белов, даже подался корпусом вперёд, словно не хотел пропустить, или не расслышать что-то очень важное. — Не томи, Хаммер.

— Я думаю, что просто-напросто, людей на Планету прилетает много, а обратно, на Землю, возвращаются немногие, причём двух категорий...

— Ну?!

— Либо люди насмерть запуганные...

— ?!

— ... либо покойники...

— Спасибо. Утешил. — покачал головой Белов.

— Может быть ещё вариант — психушка.

Белова передёрнуло от слова «психушка».

— Во-первых, не наступай на больную мозоль, а во-вторых, я бы хоть что-то, хоть краем уха... За семь-то лет...

Хаммер нетерпеливо прервал разговор.

— Во-первых, это продолжается явно не семь лет, если, конечно, Антон с Олегом ничего от нас не скрыли... Во-вторых, ты ведь наверняка общался с одним и тем же контингентом. У вас были общие прогулки, или, может быть, вы все вместе питались в одной огромной столовой?

— Нет, — в раздумье покачал головой Белов. — Этого не было... Ты хочешь сказать, что среди психов были люди с Планеты, которых мы не знаем? Свежая мысль...

— Вот видишь! Моя гипотеза не опровергнута, в таком случае.

Они надолго замолчали.

— Знаешь, Хаммер, — первым нарушил молчание Белов, — надо бы отдохнуть. Пожалуй, одному из нас следует принять снотворное, тому, кто первым будет отдыхать. Без этого, после такой душевной беседы не заснуть во веки вечные. Давай-ка, пилот, принимай лекарство и отправляйся отдыхать... Я тут посижу, покумекаю...

— Никуда я не пойду, я буду спать на рабочем месте. А если что-то серьёзное, ты ведь не сможешь меня разбудить?

— Если нам не сделать того, о чём я только что говорил, то крыша поедет. Прими немного, вот и всё.

— Так и сделаю, но если что, то...

— Понял тебя, Хаммер.

Хорст ушёл в другой отсек, где находилась аптечка. Белов, уставившись в главный иллюминатор, не мигая, о чём-то напряжённо думал.

— Главный Компьютер! — обратился он к машине.

— Да, бортинженер?

— Как у нас дела?

— Полёт нормальный. Все узлы и системы функционируют нормально, — ответил Главный Компьютер, на этот раз, не задавая вопросов и не уточняя — Белов научил.

— Вот и чудненько. Как ты думаешь, ничего плохого не произойдёт, если командир приляжет отдохнуть часика на два-три, а?

— Теоретически — ничего, а на практике — никто ни от чего не застрахован. Тем не менее отдых необходим, иначе никакой организм, даже самый тренированный и закалённый...

— Хватит, спасибо. Тебе бы главврачом в дурдоме работать. Ох, и наслушался же я всякого бреда за эти годы! А тут ещё ты пытаешься разъяснить более, чем очевидное... Вообще-то я сам виноват... Вопросов больше нет.

— Ясно, бортинженер, — Главный Компьютер умолк.

Вернулся Хаммер, сел в своё кресло.

— Принял? — коротко спросил Белов.

Хаммер кивнул.

— Ну и чудненько. Отдыхай, а я постою на вахте...

Хорст быстро уснул, а Белов, напряжённо вглядываясь в ледяную синеву Космоса, о чём-то не напряжённо размышлял.

Глава шестая

— Порядок нарушать всё мастера, а отвечать, что, некому? — въедливая медсестра по имени Валентина окинула злобным взглядом обитателей палаты. — Ну, почему молчим?! Что-то и умных поубавилось!

В палате стало так тихо, что было слышно, как осенняя полудохлая муха вяло бьётся об оконное стекло. Все молчали.

— Мне что, вопрос свой ещё разок повторить? Со слухом плохо стало? Так можно и уши прочистить... прогрессивными методами. Они нам доступны, если кто не в курсе! За ними и сбегать нетрудно. Хоть я и постоянно занята... Что, нет смелых? Языки в жопу засосало?! Отвечать, придурки!! Все прям молчат, как дохлые рыбы!

В палате, казалось, стало ещё тише, утихла даже муха, прекратив свои бесплодные попытки разбить окно и вылететь наружу, на свободу.

— Срач тут, понимаешь, развели, мухи у них тут, бляха-муха, летают! В последний раз спрашиваю, кто умыкнул мыло с душа? А?! Что, смелых совсем нет?!

Никто не горел желанием сознаться в содеянном — все прекрасно знали, чем это чревато. Не первый год уж в «заведении».

— Может, заставить каждого из вас сожрать по куску мыла, вместо обеда?! Я кого спрашиваю? Может, ты этого хочешь, Белов? Твой интеллигентный желудок справится?

Белов пожал плечами, ответив:

— При чём здесь Белов, не понимаю... Я частную баню открывать в вашей клинике не собираюсь, мыла мне и так хватает. Не такой уж я и грязный. А что касается замены обеда моющим средством сомнительного происхождения, так я, чтоб вы знали, многоуважаемая Валентина, категорически против. Это противоречит решению очередной Женевской конвенции, если вы в курсе, конечно. Это общепринятые постулаты.

Толстое лицо медсестры начало наливаться кровью. Большая грудь слуги Гиппократы и Авиценны, стала пониматься и опускаться в ускоренном режиме, рискуя вырваться из бюстгальтера. Мощно и не очень ритмично. Валентина начала задыхаться от гнева, при этом ещё больше багровея. Без того её бедная на деэпричастные и фразеологические обороты речь, и вовсе превратилась в набор междометий и обрывков сильно обеднённой ненормативной лексики.

— Да... пф-фматерь вашупф-ф... сгною...х-хы... срать кровью буите... пф-ф... недоумки недоделанные... долбочёсы грёбанные... урою...

Она выбежала из палаты, громко хлопнув дверью.

Гробовую, десятиминутную тишину первым нарушил Вадик, тихий и безвредный псих, койка которого стояла у самого входа.

— А ведь и правда, ничего хорошего от нее не жди...Зря вы с ней спорили, Игорь Николаевич. Отомстит она нам всем. Опять магнезию будут ставить, потом ещё что-нибудь, после чего голова двое суток болит... Или ещё что придумает. Инновационное...

«Не такой уж ты и дурачок, хотя, когда дело касается физических мучений, которые ты не раз испытывал на себе, такое запомнить, ума большого не надо... Всё равно, что-то он много стал говорить в последнее время. Рассуждать здраво. Может быть, он и не псих вовсе, а просто, не высовывается, чтобы не усложнять себе жизнь в данном «учреждении»? Или подсадной... Да кому мы тут нужны, это вряд ли... Разумно, конечно, но что-то раньше он себя так не проявлял. Интересно, а что скажут остальные члены стаи?»

«Стая» молчала.

«Дураки — не дураки, а соображают, когда больно, или когда лишают обеда. Интересно, кому понадобился этот злосчастный кусок мыла?»

Мысль о том, что мыло унёс кто-то из персонала Белов отмёл сразу. При здешней системе наблюдения, как внутреннего, так и наружного (последнего, правда, он не видал, но можно было и так догадаться), на проходных, наверное, вообще не только мышь не проскочит, но и иглу от шприца не вынесешь. Да и какой смысл? Объект, по-видимому, секретный, стало быть, платят им за их «благородный» труд очень даже неплохо.

«Представляю, какой шмон им устраивают на выходе. Да и на входе тоже, наверное. Да и стоит ли терять хорошо оплачиваемую работу ради... Кто же это так пошутил неудачно? Тут одного товарища уличали пару раз в клептомании, так после этого его никто и не видел. Видимо, продолжают «лечить», но уже по другой методике, а может, и вовсе, опыты какие-нибудь на нём делают... Б-р-р-р! Мурашки по коже... Если бы не аутотренинг, да ещё Светочка, солнышко моё ненаглядное, да наши редкие с ней встречи и обоюдная симпатия — рехнулся бы давно, по-настоящему. Меня, конечно, лечили, как она мне объяснила, но сейчас кризис давно миновал, и вполне могли бы выписать, если бы... если бы учреждение было попроще и рангом пониже»

Белов тяжело вздохнул от предстоящих репрессий со стороны персонала.

«А здесь другой случай. Эх, узнать бы, что и как, может быть, Светик что-то и знает! Чёртовы видеокамеры! Насколько бы было проще без них!»

Поразмыслив немного, Белов решил, что, вряд ли это решило бы проблему в целом. Ели они все в палате. В туалет ходили, в основном, под присмотром той же медсестры. Прогулки, которых зачастую лишали за малейшую провинность — у людей с ненормальной психикой вечно случаются странности, здесь именуемые провинностями. Опять же, под пристальным вниманием медсестры и пары дюжих санитаров, плюс вооруженный не только газовым баллончиком, электрошокером, резиновой дубинкой, но и пистолетом, охранник.

Белов снова вздохнул. Какие уж камеры, будь они неладны! И без них тошно... Да и много ли Светка может знать! Её номер шестнадцатый... Разве что подслушает что-нибудь полезное и интересное. Кстати, завтра её дежурство...

Молчание теперь нарушил Рой, тот, по правде сказать, рассуждал почти всегда здраво — шизофреник всё-таки.

— Я так думаю, парни. Кто-то из медиков специально заварил эту кашу с тем, чтобы легче найти повод для наказания. Это очень хорошо, что нашей гримзе никто не нагрубил, или, боже упаси, оказал физическое воздействие насильственного плана. Сейчас бы нас лупили дубинками — это только для начала, а потом — сами знаете, что такое «медикаментозная терапия». А потом бы ещё и шмон устроили с особым пристрастием. Сейчас бы тут был такой же «порядок», как на свалке... Вы их знаете.

— А вдруг это кто-то не из наших? — писклявым голосом выразил сомнение Клаус, который, как правило, не имел собственного мнения, больше повторяя слова других, — на этаже же ещё три палаты... Ну кому же это надо? Жили не тужили...

— А кому мы могли так насолить? Мы ведь с ними даже не встречаемся? — подал голос Влад, по прозвищу «Тихушник».

Это прозвище он получил не за тихие подлости, то есть дурные поступки исподтишка, а за то, что мало говорил, и был почти незаметен в палате. Его любимым занятием было рисование, но никому и в голову не приходила мысль окрестить его художником по одной простой причине: его рисунки отличались не только откровенной пошлостью, и ещё более откровенной бездарностью.

—Теперь у меня опять отберут карандаш и бумагу, — жалобно закончил он свою непродолжительную тираду. — Никаких условий для творчества...

— Так тебе и надо, пидорас проклятый, — с возмущением заговорил Иван, его ближайший сосед. — Таких как ты в своё время отправляли валить лес, туда, куда Макар телят не гонял. И куда собаки срать не бегали, не то, что размножаться. — Тебе лучше этим вот карандашом в ухе ковыряться — больше пользы будет, может, мозги прочистишь... Или в заднице...Профилактика...От глистов. Гы-гы-гы!

— Господа, не стоит ссориться! — высокопарно заблеял Александр, ближайший сосед Белова. — Держите себя в руках, мы ведь должны понимать, уважать друг друга, держаться вместе для того, чтобы... И искать пути для более спокойной жизни в стенах нашего учреждения.

— Для чего? — криво усмехнулся Иван. — Чтобы не упасть? — довольный своей шуткой, он громко, заливисто рассмеялся. — И какие пути? Петь марши при появлении санитаров и медсестры?

— Грубые и не очень затейливые шутки всегда были прерогативой недалёких людей. Стоит ли обращать на это внимание, — изобразил слегка оскорблённого аристократа Александр. — Но, суть не в том...

— А в чём же? Или, может, ты хотел сказать, где? Там и *суть*? — он снова захохотал, видимо, всерьёз себя, считая последователем известных сатириков, как ныне здравствующих, так и почивших.

Александр тяжело вздохнул:

— Не о том сейчас нужно говорить, и не на том заострять внимание. Кто-то утащил кусок мыла. Цель? Она вполне ясна: опорочить нас всех. Кто-то хочет, чтобы нас обвинили в воровстве...Всех сразу, и этим... Кто из нас, по большому счёту испытывает острую необходимость в мыле?

— Тоже мне, воровство, — покачал головой Иван. — Я, когда работал на военном заводе, вагонами, ой... Не то я что-то сказал...

Иван испуганно умолк, видимо, не желая со всеми делиться сокровенным. Впрочем, на эту его фразу никто внимания не обратил, потому что вся палата гудела, как растревоженный улей — каждый пытался выразить своё неповторимое мнение относительно сложившейся ситуации, совершенно не обращая внимания на то, что говорил его сосед по палате.

— Так, гаврики, хорош базлать, — вступил, наконец, в прения Белов. — Много текста, толку — мало. Что измениться оттого, что мы тут...

Белов не успел договорить. Дверь в палату распахнулась. С быстротой выпущенной торпеды, вломилась Валентина, за ней — два крупногабаритных санитар и два охранника.

— В последний раз спрашиваю: кто? — уперши руки в бока, спросила медсестра, давая понять, что скоро всем не поздоровится.

В палате опять стало тихо.

— Всем встать и построиться у входа, — голосом фельдмаршала скомандовала Валентина.

— Валентина, — безуспешно пытаясь избежать конфликта, начал, было, говорить Александр. — Мы не имеем никакого отношения к этой мелкой краже...

— Кому Валентина, а кому и Валентина Фёдоровна, — преисполненная чувством собственного достоинства, отрезала та. — Начинаем, ребята.

Санитары, неторопливо, со знанием дела, вначале вытряхнули на пол скудное содержимое тумбочек. Когда выяснилось, что искомого куска мыла не обнаружилось, начали перетряхивать постели. Наступил момент, когда очередь дошла до постельных принадлежностей Белова. Кусок хозяйственного мыла глухо ударился об пол.

— Вот! — с неподдельной радостью на лице возликовала медсестра. — Вот она, где собака зарыта! Интеллигент вшивый! Ещё втирал мне тут о конвек... конвенс... конвент... Тьфу, без пузыря и не вышепчешь! Умный, да? Вот щас посмотрим, кто умный, а кто есть ху... Привык тут, понимаешь, умничать, дурак недолеченный... Пакуй его, парни! С пристрастием и знанием дела, понимаешь...

Санитары подошли к Белову и крепко схватили за руки. Игорь, чувствуя себя в этой ситуации совершенно беззащитным, сопротивляться не стал. Как и доказывать свою невиновность, понимая бесполезность подобных попыток.

— Ну, милоч, пошли на экзекуцию, — довольная собой, упиваясь, силой данной ей власти, ехидно улыбалась Валентина. — Ща увидишь, что к чему...

Белова повели на выход.

— Стойте! — вдруг взвизгнул Вадик. — Он не виноват! Я видел, кто ему подложил мыло! Лично видел!

Санитары переглянулись, но Белова из цепких рук не выпустили.

— Ну и кто же, — подбоченившись, в свойственной ей манере, спросила медсестра. — Поделись, коль не шутишь.

Поколебавшись, Вадик указал на Влада:

— Это он, Тихушник! Я видел! Точно он, клянусь чем угодно!

— Это точно, Вадик? Смотри, накажу, мало не покажется! Ты меня знаешь! Не люблю, когда порожняки гоняют и сочиняют на ходу...

— Знаю, поэтому и говорю! Он вечером, перед отбоем, осторожно достал его из кармана, пошёл к окну зачем-то, споткнулся — нарочно споткнулся, а пока вставал... Ну, подложил Игорю Николаевичу... Нагло и вероломно...

— Надо же, какое благородство, итиё мать! Аж слезу выбивает! Есть же люди! — с нескрываемым сарказмом обратилась она к Вадiku. — Взял, вот так вот, за здорово живёшь, безо всякой выгоды, своего, почти так сказать тёзку сдал! А скажи мне, пожалуйста, праправнук Павлика Морозова и Зои Космодемьянской (у Валентины были явные нелады с историей и здравым смыслом), а кто ещё это видел? Кроме тебя и тумбочек с койками?

В палате вновь воцарилась тишина.

— Ну, вот видишь! Значит, чтобы не было впредь таких вот благородных выпадов, сделаем так: в карцер посадим и тебя, и Белова, ой! Я хотела сказать, Игоря Николаевича! Простите баба глупую! Ну и Пикассо нашего, доморощенного, тоже, на всякий случай. Профилактика ещё никому не вредила... — Правильно я говорю, ребята? — обратилась она к охранникам и санитарам. — Вперёд! Наводим порядок и, понимаешь, дисциплину в рядах отдельно взятого лечебно-исправительного учреждения!

Белов грустно усмехнулся, вспоминая эту историю. Впрочем, и не историю вовсе, а так, эпизод из жизни палаты номер шесть (такое вот странное, и вместе с тем, наверное, вполне объяснимое совпадение с названием рассказа великого классика). А уж историй... Можно писать мемуары. Историй хоть пруд пруди. Можно сериал снять. Только вот кто за это возьмётся? Разве что под эгидой фантастики, тогда и спрос со сценариста и режиссёра. А почему бы и нет? Это чтиво может заинтересовать многих — Белов пока ещё «популярен» в мире. Хотя, многие служащие обители для психов усмотрели бы утечку информации от палаты номер... Да любого номера палаты. Любого.

Пока не забыли... Только вот, кто это позволит напечатать? А отснять? Нет, всё не так и просто... А денежки бы получились немаленькие... Да огласка вышла бы резонансная.

И почему только эта мысль раньше ему в голову не пришла? У него ведь, у Белова и кое-какие дневники имеются. Черкал, черкал в тетради, тщательно её прятал, умудрился ни разу

не попасться во время шмона, а потом, перед выпиской перед тем, как её уничтожить доверил Светланке, золотому своему человеку.

Она скопировала всю информацию на носитель и передала ему, но уже на воле. Тетрадь хотела оставить у себя, на память, но он, Белов, настоял на том, чтобы уничтожить. Не поздоровилось бы ей, если бы обнаружили — вынести было бы очень трудно, разве что вывезти в грязном белье, да и то, проблема.

Белов вздохнул. Хорошая девка. Была мысль увезти её, да только что, собственно, он мог предложить ей, кроме своей седины и пустых карманов? Она бы поехала, это факт. Хотя, нет, ещё не факт, у них ведь там режим, не так-то просто. Впрочем, если бы знать, что через несколько дней там, в клинике, смениться начальство, то... Знал бы, где упасть, соломки постелил бы...

Белов посмотрел в главный иллюминатор, окинул взглядом мониторы, покосился на спящего беспокойным сном Хаммера. Вроде бы всё в норме. Все системы работают в нормальном режиме. Всё спокойно, командир отдыхает... «Мухи» только летают – бдят... С Главным Компьютером беседовать нет никакого желания. Чего от него ждать и какой толк в беседах с неодушевлённым существом? Чёртова железяка... Хотя и полезная.

Всё-таки, как в жизни бывает! Вот ведь, никогда бы и не подумал, что Хорст с Хелгой разбегутся! Такая идиллия была, такие испытания вместе прошли, казалось, всё это навсегда... Опять же, дети... А что там дети! Многие расходятся и с большим количеством детей! А что до идиллии, так поначалу у всех так, наверное...

Хотя он, Игорь, этого толком не знал. Женат он никогда не был, друзей у него не было. Знакомых и приятелей достаточно, а вот... Не считая школьных, конечно, да только когда это было! Ну тут-то всё просто до смешного. До одури. Пока ты играл в песочнице – были одни друзья. Пока разбежались по другим школам – другие. Потом другие учебные заведения тоже развели ребятню по разным учебным заведениям. Армия? Как только дембельнулись... ну ещё два-три письма и... все чужими стали, коль нет общих интересов. А потом... Кому производство, кому ещё что. И так всё дальше и дальше друг от друга. М-да, жиза...

Гарик снова вздохнул. Приятели и те, наверное, при встрече не поздороваются... За семь лет ни одного письма, ни одной передачи... Все отвернулись. Абсолютно все. Да, вот он итог жизненный... Ни кола, ни двора, ни репутации, ни уважения... Благо ещё это задание выдано, а так бы...

Ещё и неизвестно, чем всё это кончится. У него, Белова, другого выхода не было, у Хаммера свой интерес. Всё Хелга не отпускает...

На глазах у Белова выступили слёзы.

«Хаммер бы не увидел — вот позору-то будет! Господи, сколько же мне за эти годы хлебнуть пришлось! Кругом зло и несправедливость, беззаконие и безнаказанность...»

Глава седьмая

— Бортинженер!

Белов вздрогнул от неожиданности. К нему обращался Главный Компьютер.

«Новейший, зараза, всё чувствует. Надеюсь, мыслей не читает?»

— Ну?

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Нормально. Почему ты спрашиваешь? Из вежливости или следуя инструкции?

Компьютер деликатно молчал. Видимо в его памяти не было места для подобных распросов.

«Вот ведь, высокоинтеллектуальная сволочь! Ему сказать неудобно — так он запрограммирован!»

— Может быть, вам лучше принять успокоительного? В аптечке предусмотрены необходимые препараты и БАДы.

— Знаешь, что я тебе скажу, железяка заумная? Хаммер в прошлый полёт тоже — не успел принять, как авария! Так, что, иди ты... Нервы нужно держать в кулаке, а мышцы — в тонусе. Всё в порядке. Отвали. Сам знаю, что мне делать и принимать. У тебя водки или конька случайно нет?

- Бортинженер, такое у нас не предусмотрено инструкцией...

- Вот и я говорю, толку с твоих «забот» маловато будет. Не понять тебе души человека, да ещё с израненной нервной системой...

- Простите, куда вы ранены?!

- Отвали, нечисть. Отдыхай, а то батареи сядут...

Хаммер продолжал спать, хотя его сон нельзя было назвать безмятежным. Много времени спустя (позвольте забежать вперёд), он так и не мог вспомнить, снилось ли ему что-нибудь. Да и проснулся-то он только после посадки на Планету... Стоп, об этом ещё рано...

Белов начал клевать носом, изредка вздрагивал, пробуждаясь от короткого, в несколько секунд, сна.

«Тут надо не успокоительное, а что-нибудь бодрящее принимать. Так и отключиться недолго, а вдвоём спать не положено, да и глупо. Чтобы такого принять? Нужно посоветоваться с нашим уважаемым «Доктором»

«Доктор» располагался неподалёку от умывальника. Если объяснить в двух словах, то «Доктор» представлял собой небольшой ящик, закреплённый на стене. Рядом с ящиком микрофон и окошечко, через которое нужно было получить лекарства. Можно, конечно, было бы их взять в аптечке — такой вариант тоже был предусмотрен, на случай поломки автоматической выдачи — мало ли что, всякое бывает. Но, любой человек, находясь в полёте, хочет пользоваться передовой техникой, а не старинной аптечкой — двадцать первый век на дворе, плюс общение со всем новым, да ещё и снабжённым голосовой опцией...

— Привет, Док!

— Здравствуйте, бортинженер. Проблемы?

— Да как сказать... Мне бы чего-нибудь ободряющего, так сказать, тонизирующего.

— Чего именно? Название препарата вам известно? — спросил «Доктор».

— Да, собственно, неизвестно, честно говоря, Док...

— Может быть, начнём с того, что измерим артериальное давление, пульс?

— Как вам будет угодно, Док.

— Вот и договорились, бортинженер. Пожалуйста, встаньте вот сюда, между этими дугами... Отлично! Руки положите на дуги. Угу... Так! Давление сто двадцать на восемьдесят,

пульс — шестьдесят восемь ударов в минуту. Ну-с, батенька, и на что вы жалуетесь? У вас, позвольте сказать, давление и пульс, как у астронавта, да-с!

Белов был несколько удивлён манерой речи «Доктора», но, заметьте, приятно удивлён. Это говорило о многом. Во-первых, именно так изъяснялись в конце девятнадцатого-начале двадцатого столетия, во-вторых, не где-нибудь, а именно в России, что многозначительно говорило о том, где был изготовлен космический корабль, под названием «Лев». И потом, Белов не был серой и заурядной личностью, хотя бы потому, что читал книги. И не абы кого, а большей частью русских классиков. Впрочем, как и французских. Поэтому, именно эта манера обращения, не свойственная в двадцать первом столетии, привела его не то, что в неописуемый восторг, а именно в то состояние, которое он испытывал в юности, с восторгом читая Толстого, Достоевского, Чехова, Гоголя и многих других классиков русской литературы. К счастью, Белов не был воспитан на американских комиксах. И по праву гордился этим

— Спасибо, Док! Соболаговолите подсказать, голубчик, какие именно препараты мне следует принять, чтобы не заснуть и продолжать нести вахту? — вошёл в образ и бортинженер.

— Я вам посоветую принять лекарство под номером шестьсот тридцать. Не буду утомлять вас трудно выговариваемым названием, скажу только, что оно вам поможет сосредоточиться, обрести душевное равновесие и даст возможность принимать правильные, лишённые ненужных эмоций, решения. Получите и соболаговолите принять эти пилюли!

В окошко выпали две таблетки, которые Белов тут же принял и сел за штурвал.

— Спасибо, Док, — пробормотал он, взглядываясь в ледяную синеву главного иллюминатора. — Будем теперь с удвоенным рвением нести боевое дежурство — иначе и не назовёшь...

Минут пятнадцать Белов, взглядываясь в мировое пространство, пытался разглядеть что-либо новое, неизведанное. Поняв, что ничего нового в ближайшее время не предвидится, стал, насвистывая, озираясь по сторонам. Хаммер продолжал спать, хотя, нельзя сказать, что безмятежно, как уже упоминалось. Что-то его беспокоило во сне, это было ясно. Он время от времени вздрагивал, вскрикивая, сопровождал возгласы неразборчивыми репликами. Белов, сочувственно вздохнув, пожалел, что не познакомил Хорста с Доком.

Гарик перевёл внимание в главный иллюминатор. Тут-то ему и показалось, что он увидел что-то новое, доселе невиданное. Вероятно то, что ему не терпелось увидеть.

— Гм... Какие-то вспышки, что ли... Тонкие, словно лазерные лучи... Ведь это довольно далеко... Интересно, может ли это каким-то боком коснуться нас с Хаммером? Хотелось бы знать, честно говоря, что же это такое? Нужно узнать у Главного Компьютера... Вот сейчас и спрошу!

Его опередил Главный Компьютер:

— Бортинженер, существует опасность попасть под обстрел лазерных пушек и ракет различного происхождения. Как поняли меня?

Белов, судорожно проглотив слюну, ответил:

— Понял вас, Главный Компьютер. Есть угроза для наших жизней и целостности корабля?

— Да, бортинженер. Такая угроза существует, хотя расстояние позволяет изменить, в какой-то мере курс корабля. Боюсь, что это мало повлияет на ход дальнейших событий. Слишком велика угроза быть подбитым одним из видов вооружений. Рекомендую настоятельно разбудить командира корабля, хотя, данное мероприятие в настоящий момент малоэффективно — командиру осталось спать ещё двадцать минут — таково время действия данного снотворного.

— Спасибо за информацию. Буду иметь в виду, и буду знать, на что мне рассчитывать.

Белов вновь посмотрел в главный иллюминатор. Вспышки и лучи стали, как будто ближе.

«Вот ведь незадача! Хаммер спит, а я, не имея должного опыта управления кораблём, должен что-то делать! Хотелось бы спросить у него, что уместно предпринять в конкретной

ситуации. Будить его сейчас, я думаю, бесполезная трата времени, а предпринимать что-то надо. Пока он проснётся, пока поймёт в чём дело... Ладно, справимся, не первый раз замужем... Восьмая ходка, как говорят в местах, не столь отдалённых... Итак, что мы имеем? Я, неопытный, мягко говоря, пилот, и крепко спящий командир корабля, Хаммер. Что делать, господин Чернышевский? Вы можете дать вразумительный ответ? Нет? Вы только вопросы мастер задавать, и ничего более. Ну, тогда я вынужден сам принимать решения. Где у нас вооружение, вернее, его привод? Это мы проходили. И я, как ученик внимательный, неплохо это запомнил. Да что там неплохо — твёрдо запомнил. Вот ручки, вот гашетки. Так что будем биться, как подобает.

Белов ещё раз глянул в сторону спящего Хорста. Хаммер полулежал в кресле не пристёгнутым — конструкция кресла предусматривала автофиксацию астронавта ремнями, в случае какого-либо рывка или толчка во время полёта. Помня печально знаменитый опыт падения Хаммера с кресла по пути следования на Планету, инженеры сделали такую вот доработку. Они не зря ели свой хлеб.

За Хаммера Белов не боялся. Поудобнее устроившись в кресле пилота, хотя, слово «поудобнее» едва ли уместно — в рабочем кресле существует одна—единственная, рациональная поза, продуманная заранее инженерами-конструкторами — по-другому попросту и не сядешь (если, конечно, не считать полулежащее и лежащее положение), Белов приготовился к отражению атаки.

— Главный Компьютер! — обратился он к своему, в данный момент, по крайней мере, помощнику.

— Да, бортинженер?

— Слушай, а у тебя какое-нибудь имя собственное имеется? — поинтересовался вдруг Белов.

— Как такового нет, но меня можно звать, как вам заблагорассудится, только нужно об этом заранее предупредить меня и командира, чтобы не доставить ему неудобств, и исключить неясности для меня.

— Ну, ты прям, как пописанному говоришь, на всё-то ответ у тебя готов. Не даром наши спецы хлеб едят, не зря. Подожди, сейчас я подумаю, как тебя лучше звать... Да, кстати, у тебя пол-то какой? Судя по голосу, явно женский, тут я, конечно, глупость спросил.

— У компьютера нет и не может быть пола. Вы, например, если вам это будет удобно, можете перепрограммировать мой голос на мужской, причём, любого тембра...

— Нет-нет, ни в коем случае, пусть будет так, как есть, нам куда приятнее общаться... Так как же тебя назвать? У тебя есть на этот случай какие-либо образцы имён?

— Конечно. Зачитать все?

— Ну, давай, а там что-то выберу. Надеюсь, Хаммеру понравится.

— Имён очень много.

— Понимаю. Дай подумать, на языке вертится... Э-э-э... Может быть, Светлана?

— Вам дорого это имя, бортинженер?

— Значит так, моя дорогая, с этой минуты я для тебя не бортинженер, а Игорь Николаевич. Запомнила?

— Конечно, мой объём памяти позволяет очень многое, а это — просто элементарно, Игорь Николаевич.

— Вот и чудненько... Ой, на нас ракета летит, твою мать!

— Это имя?

— Нет, ни в коем случае. Что мне делать?!

— С этой ракетой расправиться несложно: нужно резко изменить курс, лучше на сорок три градуса...

— Выполнено!

— Теперь, когда она будет почти нагонять нас, по моей команде, обратно на сорок три. То есть, лечь на прежний курс.

— Что это даёт?

— Ракета магнитная, она за вами будет летать до тех пор, пока не настигнет.

— Утешила!

— Как только, по моей команде вы резко измените курс, она последует за вами, копируя ваш маневр, но поскольку она не обладает такой прочностью, как наш корабль, то попросту переломится надвое и взорвётся. Игорь Николаевич, резко меняем курс!

— Есть! Выполнено!

Словно в подтверждение рекомендаций Компьютера, совсем рядом раздался взрыв, от чего корабль слегка тряхануло. Слегка, потому что у ракеты была резкая потеря скорости. А у корабля — нет. «Лев» абсолютно не пострадал.

— Ну, ты просто... просто... Виктория, победа, значит!

— Теперь так меня зовут?

— Нет! Лучше Ника!

— Ясно. Игорь Николаевич, срочно включите систему защиты от лазерного оружия и немного измените курс. Чуть левее на тридцать два градуса.

— Выполнено!

— Отлично! Угроза поражения данным видом оружия от данной атаки миновала. Отключите защиту, ей нельзя долго пользоваться, это ведёт к перерасходу электроэнергии. Курс прежний.

— Знаю, Ника, проходили. Спасибо тебе, дорогая.

Тут проснулся Хаммер:

— Вы что, закрепляете пройденный на Земле материал?

— Э-э-э, Хорст, ты такое кино проспал! Кстати, знакомься, у нашего Компьютера новое имя — Ника.

— Очень приятно, — без особых эмоций пробурчал полусонный Хорст, — я, пожалуй, умоюсь и поем... Ничего не соображаю, когда спронеся и голодный...

— Я вам составлю компанию, сэр!

— М-м-м...

Хорст ушёл в санузел.

— Ну-с, — потирая руки, радовался Белов, — теперь уже и до Планеты рукой подать. Ближайшая угроза миновала, можно и подкрепиться, с *чувством*, как говаривали политики прошлых лет, *глубокого удовлетворения*...

Белов, включил автопилот, поднялся с кресла, потянулся, вызвав хруст умеренной силы в суставах, и направился в пищеблок. Долго смотрел меню, муча себя и кухонный компьютер. Наконец, выбрал гречневую кашу с молоком, хлеб с маслом, колбасный сыр и чай. На этот раз корабль снабдили не только едой в тубах, но и обычной, некосмической. Конечно, именно земную еду нужно было съесть в первую очередь, потому что она не подлежала такому длительному хранению, как та, что запечатана в тубы.

— С этим проблем не будет, — мурлыча себе под нос какую-то пошловатую песенку, успокоил себя Белов. Похоже, Мурку. — Таким монстрам, как я и Хаммер, никакие запасы не страшны. Со всей ответственностью могу заявить, что ничего не успеет испортиться...

В это время, на корабле сработал сигнал тревоги.

— Ну что за хрень такая, — расстроено, заголосил Белов, — я ведь только познать собрался!

— Командир, Игорь Николаевич, — по громкой связи раздался тревожный голос Ники, — ракетная атака!

Белов и Хаммер оказались у пульта управления почти одновременно, в считанные секунды.

— Ракеты неизвестной мне конструкции, поэтому, решение принимать вам, во избежание возможных ошибок.

— Расстреливаем! — с этими словами Хаммер сел в кресло пилота, и привёл в боевую готовность бортовое вооружение.

Сразу три компактные, но сокрушительной силы ракеты, полетели навстречу ракетам атакующим. Скорость их была очень велика и, предвкусывая сокрушительной силы взрывы в ближайшие несколько секунд, Хаммер и Белов ликовали. Но каково же было их удивление и разочарование, когда из трёх ракет условного противника, была подбита только одна, остальные же две, уверенно увернувшись от ракет, пущенных с борта «Льва», продолжали преследовать свою цель, то есть корабль с Хаммером и Беловым на борту.

— Это что такое? — выдавил из себя Белов.

— Откуда же мне знать, — прошипел Хаммер, меняя курс полёта и включив обратное поле.

Одна из ракет, обошла, словно с опаской, «Лев» и полетела дальше, другая же с завидным упрямством, продолжала свой заданный курс.

Стрелять было уже поздно, поэтому Хорст предпринял отчаянную попытку уклониться. Ему это удалось только отчасти. Где-то справа, сверху, прогремел взрыв, сопровождаемый ослепительной вспышкой и страшным грохотом по обшивке. Там, наверху, что-то явно сломалось. На мониторах зарябило, зашипело, некоторые погасли. Корабль затрясся в какой-то чудовищной лихорадке, сначала кренясь, потом, кувыркаясь, вырисовывая невероятные фигуры какого-то непонятного пилотажа.

— Неужели конец, Хаммер?! — заорал, катаясь по полу Белов, так и не успев сесть в кресло бортмеханика. Ему, наконец, удалось зацепиться рукой за дугу «Доктора».

— Сядь, — рявкнул Хаммер. — Сядь и выключи силу тяжести, пока нас не прихлопнуло собственным обедом. Шучу...

— Можно подумать, — огрызнулся Белов, выполнив приказ командира, — эти тарелки и консервные банки и так не загадят нас и корабль. Шишек, правда, не набьют...

Слова эти были сказаны больше для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, пытаясь хоть как-то... Да какая там, к чёрту, разрядка обстановки! И слышал ли его Хаммер, совершая невероятными усилиями воли и мастерства пилота, чтобы спасти их обоих и корабль!

«Лев» терял управление. Пилот и команда же в это время испытывает куда больший шок, чем водитель автомобиля при отказе тормозов на автострате в час пик. Хорст с превеликим трудом пытался что-то сделать, чтобы совершить хоть жёсткую посадку.

Планета стремительно набегала на них. Какие-то озёра, деревья — астронавты падали на незнакомую, неизведанную часть Планеты N. Да и что в этом удивительного, ведь за три года они освоили лишь малую её часть - не до того было, да и задачи не предполагали столь спешного изучения Планеты Аданицкого. Да и были ли время и возможность сделать больше, когда шла самая настоящая борьба за выживание! Они были заняты поисками хлеба насущного, а отнюдь не наукой. Похоже, именно сейчас они пожалели о том, что недостаточно хорошо изучили этот аспект..

— Что я могу сделать, чтобы помочь тебе, Хорст!? — крикнул Белов.

— Молись! Долго и с чувством, с пристрастием! Ровно на то время, что нам понадобится для осадки... Если это у меня получится.

- Я в тебя верю, Хост Хаммер. Ты — мастер своего дела!

Удар. Клубы поднятой пыли. Корабль, пилотируемый пилотом Международного класса Хорстом Хаммером, совершил жесткую посадку на Планету.

Глава восьмая

— Ну, ты как, Белов? Живой?

— Да, кажется. Хаммер, когда вернёмся на Землю, с меня «поляна».

— Земляничная?

— Битлов не трогай. Нет, ресторанная. Блюда будут исключительно по твоему заказу и моему кошельку.

— Шишек на тебе много?

— Да нет, ерунда, я умею падать, я кандидат в мастера спорта по самбо.

Хорст хихикнул добродушно:

— Думаешь, тебе это пригодится в борьбе с зелёными человечками?

— Смейся, смейся, я готов выслушать все, что угодно, ведь сегодня ты герой и победитель, это без дураков, приятель. Ты спас мне жизнь. Это дорогого стоит. Поэтому я готов целый день слушать дружеские подколы попеременно с европейским, не очень смешным и ярко выраженным, я бы сказал, примитивным, по сравнению с российским, сарказмом. Хорошо сказал, блин...

— Себе тоже. Не обижайся. Слушай, давай-ка, поедим, наконец. Человечки, думаю, никуда от нас не денутся. Только вот проверю связь с Землёй и Планетой.

— Угу, — согласился с ним Белов, уплетая свиную тушёнку, прямо из консервной банки. Даже не разогрев содержимое.

— Ты ведь не ходил в пищеблок? — искренне удивился Хаммер.

— Не ходил. А когда ходил в последний раз, видимо, в суматохе неплотно закрыл дверь. Банка валялась под ногами. Не пропадать же добру...

— Понятно. Ника!

— Да, командир?

— Ты в порядке? Ничего не отпаялось и не отвалилось?

В голосе командира слышалась радость за хороший исход минувших событий.

— Да, командир. Всё хорошо.

— Слава богу. Хаммер вызывает Центр Управления Полётом!

Через несколько секунд, он услышал ответ:

— На связи Центр Управления Полётом! Как слышите меня, Хаммер?

— Прекрасно. Лучше и не бывает.

— Мы вас тоже. Что у вас случилось, Хаммер? Что-то грохотало, на какое-то время вы исчезли с поля зрения. Вас атаковали?

— Да, а вы не видели?

— Видели, как вы блестяще отразили атаку магнитных ракет и лазерных пушек, а потом...

— Понятно. Нас зацепило одной из трёх, выпущенных впоследствии, ракет. Обошлось малой кровью. Корабль, правда, повреждён; мы совершили жесткую посадку. Сами при этом, не пострадали. Да и основные системы тоже.

— Поняли вас, Хаммер. Насколько мы понимали, серьёзных повреждений нет? Это радует. Вы молодцы, ребята. Не расслабляетесь.

— Мы ещё не выходили из корабля, поэтому ничего определенного пока сказать не можем. Компьютер ещё не запрашивали. Сделаем это в самое ближайшее время, то есть после того, как пообедаем.

— Приятного аппетита, Хаммер и Белов.

— Спасибо.

— Да, Хаммер, сразу же свяжитесь с Пунктом Связи Штаба чрезвычайных ситуаций на Планете.

— Хорошо.

— Конец связи.

Хаммер отключился.

Белов же начал зажигательную речь:

— Слушай, Хорст, я всё могу понять, но не понимаю одного: за каким фигом нужно было называть этот дурацкий штаб так длинно? Ты только попробуй выговорить аббревиатуру! Сейчас, я попробую... Вот, есть! ПСШЧСП! Обосра... Умом тронуться, я хотел сказать! Прямо первые годы бытия молодой советской республики! Это, что, от большого ума?

Командир отмахнулся от стрелка, предпочтя ненужную дискуссию поглощению еды.

— Да брось ты придирааться, Белов!

Гарик злорадно ухмыльнулся в ответ.

— Ну, конечно, у вас *там* и не такие словечки, по двадцать букв в слове! Вместе с экзэнт! Хрен вышепчешь, без бутылки-то!

Белов явно ликовал, поскольку ему удалось подколоть не только Хорста, но и старушку-Европу.

Хаммер задумчиво посмотрел куда-то в сторону, вздохнул, и задумчиво сказал:

— Я ничего *вышептывать* не собираюсь, а вот от последнего, не отказался бы, стресс снять. Не каждый раз такое происходит...

Белов тонко улыбнулся:

— Всё учтено могучим ураганом. И поменьше жри, пока я хожу... Ща поймёшь...

Он ушёл в санузел, очень скоро вернулся с резиновой грелкой в руках.

— Что это? — удивился Хаммер. — Ты собираешься делать компресс?

Белов с сочувствием посмотрел на Хаммера, как на безнадежно непонятливого человека.

— Это водка, друг мой. Именно таким вот хитроумным дедовским способом я умудрился пронести этот нелегальный груз. Ты прав. Это действительно компресс, но не для тела, а для души... Давай-ка, принеси стаканчики, я, по-видимому, от волнения, забыл о них. Отгони-ка «мух» на короткую профилактику...

Командир шутливо развёл руками.

— Не вопрос, — пробормотал Хаммер и пошёл в пищеблок за пластмассовыми стаканами. — Сейчас сделаю... Так, кыш все в соседний отсек! Жужжите тут... У вас профилактика. Еженедельная. С-7. Это на 75 минут.

— Вот такие вот пироги, — сказал после третьего тоста Белов Хаммеру. — Падаешь ты, Хорст на Планету во второй раз. Может, это знак? Давай выпьем за то, чтобы ты больше никогда не падал на Планету..., принимается?

— Что ты этим хочешь сказать? — нахмурился Хорст. — Ты хочешь сказать, что я больше сюда не прилечу? А позволь узнать, по какой причине? Может быть, ты не хочешь, чтобы я сюда летал? Или, намекаешь, что я здесь останусь навсегда? Погибну в неравном бою?!

Гарик тяжело вздохнул и постарался всё пояснить максимально доступно и примиряюще.

— Не болтай глупостей, — отмахнулся Белов. — Летай на здоровье, только не падай больше. И-и-и-к! Пардон!

— Не-е-е-т, ты ответь мне честно и откровенно, почему ты так сказал!

— Та-а-к, этому столику больше не наливать...

— Не-е-е-т, ты ответь, как на духу!..

— Отключите ему микрофон, у него кончился лимит времени...

Хаммер, подперев подбородок кулаком, задумчиво произнёс:

— Знаешь, Гарик, я припоминаю один старый американский фильм, дебильный до крайности, как, впрочем, многие американские фильмы... Там один адмирал, ну, видимо служивший в своё время в морской авиации, совершил примерно полтораста вылетов, и ни одной посадки — вечно катапультировался... Его постоянно сбивали... вот так и я...

— «Горячие головы», — подсказал Белов, — так этот фильм называется. Неплохой, кстати. Если смотреть нечасто...

— А если часто? — поинтересовался Хорст, едва не уронив голову на пульт управления.

— Никак нельзя, мозги разжижает, хоть и юмор добротный, — грустно вздохнул Белов.
— Хаммер!

— Да!

— Наелись мы с тобой, как грязные коровы! Всю грелку выжрали, нет, чтобы на завтра, на опохмел оставить...

Хорст уже клевал носом, но всё же вымолвил:

— Нагорит нам от нового начальства, — почти засыпая, прогнусавил Хаммер.

— Ну... Уволят... Обрато на Землю отправят, без выходного пособия. В капсуле... А сами вместо нас будут летать и выполнять поставленные ими же задачи...

— Нет! — твёрдо заявил Хорст, казалось, слегка даже протрезвев по такому поводу. В его глазах появился более разумный блеск.

— Это почему? Откуда такая уверенность? — искренне удивился Белов.

— А потому, — приподняв голову над пультом, с назиданием в голосе ответил Хорст, — что нужно было внимательнее читать контракт.

Гарик сотворил неопределённую гримасу. Сделал паузу, хмыкнул и продолжил начатую дискуссию.

— А что там такого, что я упустил?

— Там нет ни слова, ни буковки о том, что мы должны вести трезвый образ жизни!

Белов всплеснул руками, ка базарная торговка. По-бабы, для усиления эффекта и для того, чтобы слегка поиздеваться над командиром в очередной раз.

— Прия-я-ятная неожиданность! Хоть что-то! Оно и понятно... Я ценю твою внимательность.

— Что тебе понятно, Гарик? — изобразил крайнюю степень внимания и удивления Хаммер.

— А то, что контракт всё Сообщество сочиняло... Если б только наши — непременно учли бы...

— Ты думаешь?

— Сто пудов...

Ожила рация:

— «Лев», ответьте Пункту Связи Штаба! Как слышите?

— О-очень хорошо вас слышим! — ответил слегка заплетающимся языком командир корабля.

— «Лев», у вас там всё в порядке? Вы не ранены? Хорошо себя чувствуете? Вам не нужна медицинская помощь?

— Нам бы не помешала ещё одна грелка, — крикнул в микрофон за Хорста Белов.

— Так вам всё-таки нужна помощь врача? Уточните координаты, мы постараемся подоспеть вовремя. Как поняли меня?

В голосе дежурного по ПСШ чувствовалась лёгкая тревога.

— Нормально поняли, приезжайте или прилетайте — как вам удобнее. А врача не надо... Меня и так долго лечили... прогрессивными методами... — снова вклинился в сеанс Белов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.